ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

5

1951

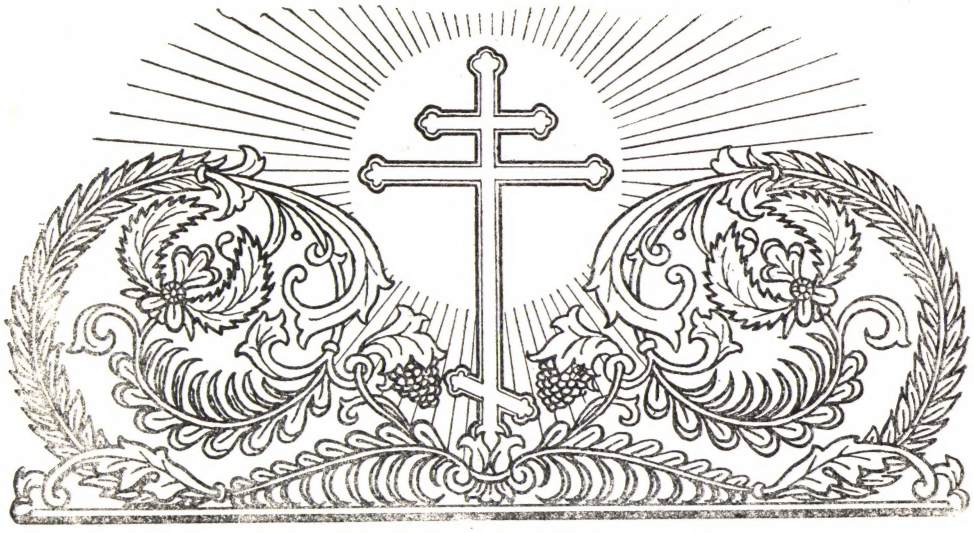
ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

5

МАЙ

1951

Издание Московской Патриархии
Москва

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

АЛЕКСИЯ

ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ И МИРСКИМ, ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

После спасительной скорби общения в страданиях Господа нашего, мы, по милости Божией, вступили в пресветлую радость Воскресения Христова, которая есть начаток и нашего по вере чаемого воскресения.

Приветствую вас, отцы и братие, с этой радостью и молю воскресшего Господа, чтобы Он приблизился к нам Своею благодатию как приснотекущий Источник света и жизни, исполняя пламенем любви Своей сердца наши, отверстые к приятию даров Его, благих и благопотребных к спасению вечному.

Если не познавшим еще Воскресения Учителя ученикам Господним Луке и Клеопе беседа любви и печали о Господе пострадавшем принесла ту радость, что Он Сам приблизился к ним, возвестил им о Воскресении, исполнил сердца их ощущением Своего присутствия и, наконец, «познался ими в преломлении хлеба», — то для нас, познав-

ших уже Его Воскресение, может ли не быть благотворной беседа веры, любви и радости о Господе воскресшем и обещавшем пребывать с нами «до скончания века»?

Не благодать ли Его присутствия творила в течение веков и ныне творит нашу радость столь полною и живою? Не благодать ли единения духовного устремляет нас ко взаимным общениям слова и сердечного чувства?

Итак, возлюбленные братие, паки реку вам радостную весть: Христос воскресе! И в это священное приветствие я влагаю пожелание, чтобы и в наших душах воскресла и оживилась светлая надежда на наше собственное воскресение к жизни вечной в Царствии Отца нашего Небесного.

Первое следствие Воскресения Христова есть наша уверенность в будущей вечной жизни после окончания нашего земного странствования. До пришествия на землю Господа Иисуса Христа будущая жизнь была страною темною. На что́ тогда мог надеяться человек при вступлении в другой, неведомый мир? Странником входил он в неизвестную землю, теряющимся в неизмеримых областях духовного мира, без света, без надежды; в Самом Боге он видел лишь Судью, карающего за нарушенный закон Его. С Воскресением же Спасителя уже не странником и пришельцем входит человек в Горний мир, ибо, как говорит нам Апостол: «Ктому несте странни и пришельцы, но сожителе Святым и приснии Богу» (Ефес. 2, 19). Почему? Потому что Сам Господь сказал Апостолам: «Иду уготовати место вам... в дому́ Отца Моего обители многи суть» (Ио. 14, 2); потому что в молитве к Небесному Отцу Спаситель молился о всех верующих в Него: «Да вси едино будут... Аз в них, и Ты во Мне; да будут совершени во едино...» (Ио. 17, 21 и 23). Не неведомыми и чуждыми пришельцами войдут верующие в Господа в Его обители, а как верные и любимые овцы Его духовного стада: «Аз знаю их, и по Мне грядут, и Аз живот вечный дам им, и не погибнут во веки, и не восхитит их никтоже от руки Моея» (Иоан. 10, 27—28).

Что́ может быть вернее, утешительнее и надежнее этих неложных обетований нашего Господа и Спасителя?

Таковы радостные упования, возникающие в душе христианина при свете Воскресения Христова.

Второе следствие Воскресения Господа нашего состоит в том, что и здешняя, земная жизнь получила для нас иное значение и другой вид. Это уже не страна изгнания, не печальная юдоль преступников, ожидающих казни; это поприще для деятельности, место приготовления к лучшей, более совершенной жизни.

Приняв ради жертвы, принесенной Сыном Божиим, сыновние права в отношении к Богу, человек получил свободный доступ к Небесному Отцу и невозбранно может входить в богатую сокровищницу бесконечных и бесчисленных благ Его, чтобы почерпать в ней всё нужное в этой жизни, все блага, украшающие наше бытие, почерпать свет и разум, освящение, мир и радость, силу, довольство и изобилие, ибо «вся нам божественныя силы Его, яже к животу и благочестию, подана́», — говорит св. Апостол Петр (2 Петр. I, 3).

Вот какою является наша земная жизнь при свете Воскресения Христова. И потому так понятна та особенная радость, какая рождается в сердцах наших в светлый день Воскресения Господня.

Будем же беречь эту святую радость. Не омрачим ее никакими сомнениями, никакими греховными делами тьмы. И в свете этой живой

радости духовной будем возгревать в себе надежду на вечное сопребывание с Господом в Его небесных обителях.

«О Пасха велия и священнейшая, Христе, о Мудросте, и Слове Божий, и Силю! Подавай нам истее Тебе причащатися в невечернем дни Царствия Твоего». Аминь.

Воистину Христос воскресе!

Пасха Христова
1951 г.

АЛЕКСИЙ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ПАСХАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

ГЛАВАМ И ПРЕДСТОЯТЕЛЯМ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО,
СВЯТЕЙШИЙ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ О ГОСПОДЕ ВЛАДЫКО!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Примите от меня духовное лобзание радости и любви о Господе, даровавшем нам вечную радость Воскресением Своим и научившем нас истинной любви, соединяющей нас в Нем Самом.

Да сотворит Он нас причастными той жизни, которую Он явил нам из живоносного гроба Своего, и да благословит нас словом назидания и делом примера распространять свет учения Его между теми, кого Он благоволил вручить нашему духовному руководству.

Целую Вас и весь освященный Собор Церкви Вашей и всю во Христе братию ея.

Молитвенно желаю, да пребывает с Вашим возлюбленным Святейшеством мир Господень и благодать Божия.

ВОИСТИНУ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ПРЕДАННЫЙ О ХРИСТЕ БРАТ
АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Москва
Пасха 1951 г.

СЛУЖЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

(Апрель)

7 апреля, в праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы, Божественную литургию (как и всенощное бдение накануне) Святейший Патриарх Алексий совершал в Патриаршем Богоявленском соборе.

11 апреля, в среду пятой седмицы Великого поста, в день Стояния преп. Марии Египетской, Святейший Патриарх читал канон св. Андрея Критского в том же соборе.

13 апреля, в пятницу пятой седмицы Великого поста, в том же соборе Святейший Патриарх читал акафист — Похвалы Божией Матери.

22 апреля, в Неделю Ваий, Божественную литургию (как и всенощное бдение накануне) Святейший Патриарх совершал в Патриаршем Богоявленском соборе.

23 апреля, в Великий Понедельник, Святейший Патриарх совершал молебен на благословение мироварения в храме в честь Божией Матери в б. Московском Донском монастыре.

25 апреля, в Великую Среду, литургию Преждеосвященных Даров Святейший Патриарх служил в Патриаршем Богоявленском соборе.

26 апреля, в Великий Четверг, Святейший Патриарх совершал Божественную литургию с чином освящения мира.

Вечером того же дня Святейший Патриарх совершал Последование святых и спасительных Страстей Господа Иисуса Христа.

Обе службы были совершены Святейшим Патриархом в Патриаршем Богоявленском соборе.

27 апреля, в Великую Пятницу, Святейший Патриарх в том же соборе совершал вынос Св. Плащаницы.

В 9 часов вечера в тот же день им была совершена там же утреня Великой Субботы.

28 апреля, в Великую Субботу, Божественную литургию Святейший Патриарх служил в Патриаршем Богоявленском соборе.

29 апреля, в день Светлого Христова Воскресения, заутреню и Божественную литургию, а также пасхальную вечерню Святейший Патриарх совершал в Патриаршем Богоявленском соборе.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПРАВДЕ И ЛЖИ

(К ПЕРВОЙ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА)

«Ложь — гнусное бесчестье человека».
Св. Иоанн Златоуст.

Никому не приятно, чтобы открывались его худые дела; никто не хочет, чтобы обнаруживалась его ложь. Именно поэтому запретили собраться в Женеве первой сессии Всемирного Совета Мира.

Недавно я говорил, что поджигатели войны готовы перебить ноги благовествующим мир. Тогда это была только метафора. А 12 марта в Эссене (Западная Германия) действительность превзошла это. Сто жестоких людей — автоматов «мобильной полиции» пролили кровь юношей и девушек, собравшихся на митинг протеста против войны, разбивая им головы резиновыми дубинками. Приспешники США, реваншисты аденауэры уже начали драться.

А кто вообще дерется? Дерутся пьяные и злобные. Аденауэры опьянели от жажды крови и захлебываются от злобы. Но они уже получили отпор от тех, от кого всего менее ожидали — от собственных эссенских полицейских, отказавшихся избивать молодежь; и им пришлось выписать «мобильную полицию» из Дюссельдорфа. Это — предупреждение и серьезное основание к беспокойству для поджигателей войны. В этом радость и надежда для друзей мира.

Яркие и страстные, полные гнева речи на Берлинской сессии Всемирного Совета Мира не только обнаружили худые дела и ложь поджигателей войны. Они показали нам подлинное лицо современного человечества, которого мы не знали пять лет тому назад. Вглядимся же в это лицо.

Помните ли вы песнь пророка Исаии о винограднике Возлюбленного Божия?

«У Возлюбленного Моего был виноградник на вершине утучненной горы...» Он все сделал для того, чтобы виноградник принес добрые грозды, а он принес дикие ягоды...

«Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды — любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот — кровопролитие; ждал правды, и вот — вопль».

Так было во дни пророка Исаии, но позже — на место Иуды, отвергшего Возлюбленного, стали те, которые возлюбили Его. Утучненная кровью бесчисленных мучеников Христовых земля нового Виноградника — Церкви Христовой стала приносить добрые и чудные грозды.

Так было. А теперь... опять несется к Небу страшный вопль, опять кровопролитие, несравненно более страшное, чем небольшия кровопролития времен пророка Исаии! И пророк опять говорит:

«Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Ис. 5, 1—8).

Почему несется к Богу страшный вопль истребляемого мирного корейского народа и реками льется кровь не только в Корее, но и в Греции, Малайе, Вьетнаме?

Это новые идолопоклонники приносят в жертву своему истукану — золотому Молоху гекатомбы человеческих тел. Но — что всего более невыносимо — они смеют говорить, что делают это во имя сохранения христианской культуры.

О ложь, о черная неправда!

Но она неизбежно связана со злом.

Ибо так говорит пророк Давид:

«Вот нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь; рыл ров и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил.

Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Псал. 7, 15—17).

О том же говорит Иов многострадальный:

«Опустеет дом нечестивого, и огонь пожрет шатры мздоимства. Он зачал зло и родил ложь, и утроба его приготовляет обман». (Иов. 15, 34—35).

Христианская культура сохраняется теми, кто своими чистыми делами являет миру любовь, кто страдает правды ради, а не теми, которые возжигают пламя ненависти и заставляют неописуемо страдать других. Поклонники золотого тельца, открыто пишут в своих газетах:

«Всегда можно прибегнуть к вооружениям, если частная деловая активность приходит в упадок».

«В результате войны легко создать обстановку военной истерии, и она, почти наверняка, приведет к большим ассигнованиям на вооружение».

«Тогда, когда нации говорят о мире, перед США встает экономическая катастрофа».

«Корейская война означает для США больше прибылей, больше автомашин, домов и продовольствия».

Это не «советская пропаганда», это выдержка из речи настоятеля Кентерберийского собора, д-ра Хьюлетта Джонсона на Берлинской сессии Всемирного Совета Мира.

Спросим новоявленных защитников христианской культуры, посмеют ли они после своих военных подвигов в Корее когда-либо посылать своих миссионеров с проповедью Евангелия любви к народам Азии, Африки и Австралии, которые никогда не забудут их предметных уроков ненависти, злобы и черной неправды?

В страшных клубах дыма горящих корейских городов и сел видим мы многие тысячи жестоких и озверелых людей, непосредственных исполнителей вопиющих к Небу злодейств, которыми руководят американские генералы. Страшны холодно-жестокие лица летчиков, сбрасывающих смертоносные бомбы на мирные города и села, расстреливающих из пулеметов толпы бегущих от пожаров стариков и женщин с малыми детьми.

Почему эти люди, прежде занимавшиеся у себя на родине мирной работой, теперь так страшны? Потому что их бросили в пламя огня и море крови. Потому что в бою не на жизнь, а на смерть люди звереют. Но эти же самые люди, когда успокоятся и опомнятся в казармах для военнопленных, шлют своим правительствам гневные протесты против несправедливой войны, против лжи, которой их опутали.

Обратим свой взор к Лейк-Саксессу, в залах которого так недавно заседала Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, а теперь творит ее волю ее генеральный секретарь.

О, какие радостные, по наивности нашей, надежды возлагали мы на эту Организацию при ее возникновении!

Как страстно ждали от нее правды и мира!

И вот, на протяжении пяти лет изо дня в день рушились наши надежды, и мучительная тоска по правде овладевала сердцами нашими.

Мы ждали правды... — «и вот вопль».

Ждали мира — «и вот кровопролитие».

О, как гибельна и невыносима неправда, потоками изливающаяся из зал Лейк-Саксесса, дьявольская ложь, достигшая апогея в объявлении Китая агрессором!

А честные люди упорны в своей вере в правду и справедливость и не перестают посылать сотни тысяч протестующих писем секретарю ООН и в Совет Безопасности; организуют большой поход в Вашингтон.

Ложь, диктуемая в ООН поджигателями войны, навязывается десятью правительствами Европы и двадцатью правительствами латинской Америки своим народам. Ее сеет армия журналистов с совестью, готовой на все. Ее воспринимают люди легковерные и легко поддающиеся запугиваниям, ибо от них скрывают все, что́ может опровергнуть ложь. Их мы ни в чем не обвиняем и искренно жалеем.

Бурно волнуется все море человечества, населяющего землю. Такой бури еще не бывало во всей его истории. Ее волны захлестывают самые дальние и спокойные уголки земного шара. Гонят на убой в Корею и Малайю негров Африки, Новой Гвинеи и папуасов, потому что их можно гнать, не считаясь с их волей, как гонят коров на бойню. Их гонят потому, что культурные австралийцы отказываются воевать.

О, бедные люди «низших рас», никого не трогающие, не имеющие никакого представления о Корее и Малайе, мирных жителей которых им велят убивать!

Какая черная неправда, какое насилие, какое зло!

Всех ли волнует эта неправда, у всех ли горит сердце негодованием и протестом?

К горю нашему, не у всех. Но к чести человечества, это только меньшинство, и притом незначительное. А большинство — честные, простые люди. Это те 500 миллионов, которые подписали Стокгольмское Воззвание, и многие миллионы, которые тоже подписали бы его, если бы их за это не преследовали и не гнали. Это не только «простые люди», как докеры Франции, Бельгии, Англии, отказывающиеся разгружать пароходы с американским вооружением; в рядах честных людей и множество носителей высокой культуры, подобных преподавателям американских университетов, обратившихся к Трумэну с коллективным протестом против вооружений и милитаризации Западной Германии.

Они и Всемирный Совет — огромная сила, противостоящая ныне поджигателям войны.

А другая великая сила — это, как признано уже всем миром, глубоко честная политика, которую проводят представители СССР в Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности.

Позорной неверности своему слову правительств, подписавших Ялтинское и Потсдамское соглашения, противостоит неизменная, величавая честность и всегдашняя верность нашего Правительства.

Есть уже и мученики за правду протеста против готовящейся войны, томящиеся в тюрьмах юноши и девушки, которым проломили черепа в Эссене, которые своими телами защищали своих малолетних товарищей. Есть и герои, как молодая француженка Раймонда Дьен, легшая на рельсы, чтобы остановить поезд с американским оружием для Западной Германии. Их имена не будут забыты.

Все это — непобедимая сила правды, которая неизмеримо более велика, чем даже страшная сила атомных бомб. Ложью, этим гнусным бесчестием человека, и атомными бомбами, может быть, и можно на время утопить в крови правду, но уничтожить ее нельзя, ибо правда — от Бога и потому бессмертна.

Ибо «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6, 7).

А ложь — от древнего змия, главу которого стер Господь наш Иисус Христос.

АРХИЕПИСКОП ЛУКА

О ВСЕМИРНОМ СОВЕТЕ МИРА

Наша эпоха, характеризуемая всемирным движением людей доброй воли в защиту мира, по праву может быть названа героической. О ней последующие поколения будут слагать эпические произведения, и в памяти потомков она предстанет, как период трудных и грозных, но великих исторических событий.

Эта эпоха создала и новую форму общественной организации — Всемирный Совет Мира. Никогда еще люди разных национальностей, разных политических и религиозных взглядов не объединялись столь тесно и так близко на основе одной, для всех их приемлемой цели, — на основе защиты мира. Всемирный Совет Мира — не только общественная, но и международная организация, и с ней не могут не считаться как отдельные общественные группировки разных стран, так и отдельные правительства. Самым ходом вещей Всемирный Совет Мира должен был взять на себя функции весьма широкого масштаба. Он вынужден был громко заявить от лица преобладающего большинства населения земного шара, что оно желает мира, а не войны и что оно будет всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, бороться за осуществление своих задач, направленных к утверждению братства народов и обеспечению спокойной жизни для всего человечества.

В конце февраля 1951 г. состоялась в Берлине первая сессия Всемирного Совета Мира. Все страны мира послали туда своих представителей. Присутствовало и много церковных людей, епископов и священников разных исповеданий. Среди них особо выделялись известные всем своею неутомимою и плодотворною деятельностью в пользу мира Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, настоятель Кентерберийского собора в Лондоне Хьюлетт Джонсон и французский аббат Булье.

Уже одно присутствие этих выдающихся церковных деятелей на сессии Совета Мира свидетельствует о христианском сочувствии мирным целям этой международной организации. Это и неудивительно. Ведь Всемирный Совет Мира не ведет никакой политической пропаганды, он не касается государственного строя, существующего в той или иной стране. Он только требует наладить мирный порядок жизни, исключающий возможность возникновения братоубийственных войн с применением орудий массового истребления людей. В этом отношении требования Всемирного Совета Мира непреклонны. И каждая христианская Церковь, призванная нашим Спасителем к утверждению мира и любви во взаимоотношениях с людьми, не может не благословить и не поддержать этих прекрасных и справедливых требований Всемирного Совета Мира.

Не приходится говорить о политиканствующей части католического и англиканского духовенства, настроенной реакционно. Это не пастыри в собственном смысле слова, а церковные деятели от политики. В них нет духа Христова; и они пока стоят в стороне от великой миссии Все-

мирного Совета Мира. Но именно — только пока, потому что верующий народ каждой страны, непосредственно, сердцем своим, разбирающийся в том, где правда и где обман, скоро заставит и их изменить свою позицию. Мы верим в это и нисколько в этом не сомневаемся.

Из решений Всемирного Совета Мира, принятых на Берлинской сессии, отметим три главнейших решения:

1) Пять великих держав должны заключить между собою Пакт Мира.

2) Должны быть решительно приостановлены всякие попытки к вооружению Западной Германии и Японии, проводимые США, так как это привело бы к военному взрыву в Азии и в Европе.

3) Организация Объединенных Наций (ООН) должна вспомнить о своем назначении и заняться мирным разрешением международных проблем, а не быть опорой группы агрессивных государств.

Всемирный Совет Мира, как видим, близко подошел к проблемам сегодняшнего дня. Его решения отвечают духу христианского учения и вместе с тем являются по существу решениями большого государственного значения. Всемирный Совет Мира смело проанализировал современную обстановку и свои постановления решил внести на обсуждение парламентов и правительств всех стран, а также Организации Объединенных Наций.

Какие практические результаты может дать это выступление Всемирного Совета мира? Можно не сомневаться, что со стороны правительств всех миролюбивых стран предложения Всемирного Совета Мира вызовут (и уже вызвали) полное понимание и согласие с принятыми Советом решениями. Нельзя того же сказать о странах, правительства которых озабочены накоплением вооруженных сил, о странах Атлантического блока. Там атмосфера другая, и всяких мероприятий, направленных к сохранению мира, там, как правило, избегают.

В официальном порядке там тоже говорят о мире и желательности его сохранения, но эти разговоры имеют лишь декларативный характер. В Советском Союзе и в странах народной демократии, наоборот, слова о мире соответствуют практическим мероприятиям в пользу мира. Достаточно сказать, что 12 марта 1951 г. Верховным Советом СССР принят Закон о защите мира, который запрещает пропаганду войны, как тягчайшее преступление против человечества. В этом законе сказано: «Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как тяжких уголовных преступников».

Это исторический и совершенно новый по своему содержанию закон является величайшим достижением в государственной практике всех стран и народов на протяжении истекшего ряда веков и тысячелетий их существования.

Законы о мире приняты и в других миролюбивых странах. Это открывает новую эру в человеческом самосознании, ставит его на высшую ступень нравственного развития сравнительно с прошлыми временами и сближает его с христианским миропониманием. Русская Церковь в лице ее епископата, пастырей и верующих, горячо приветствует Закон о защите мира и молится о том, чтобы он послужил прочной основой для мирного труда и благосостояния нашего народа, как и всех других народов мира.

Всемирный Совет Мира в настоящее время — великая сила, и его значение с каждым днем увеличивается. В его лице народы мира, люди физического и умственного труда, стоят крепкой стеной против всяких попыток разжечь мировой пожар. Они сковывают злую волю сторонников войны, затрудняют их действия, психологически их обессиливают. А тем временем силы мира растут, активизируются, — и придет час, когда все убедятся, что мир победил войну.

Христиане не могут ослабевать в своих усилиях защищать мир и правду на земле. Пусть некоторые державы не отзовутся на мирные предложения Всемирного Совета Мира. Что же из этого? Широкий христианский кругозор никогда не ограничивается учетом только данного момента. Малое ведет к великому. Небольшая первохристианская община росла и укреплялась потому, что христиане были исполнены глубокой веры и большого одушевления. Та же вера и то же одушевление должны быть присущи всем христианам и сейчас. Наше дело — сеять добрые семена мира и любви к человечеству, а дело Божие — возрастить эти семена и дать богатые всходы.

Мы знаем, что так и будет. И пусть не ослабевает наша энергия, наша надежда на Бога, наша уверенность в конечном торжестве мира, правды и справедливости. Ибо Бог — это мир. Бог — это любовь. Бог — это справедливость.

АРХИЕПИСКОП ФОТИЙ

СВ. АП. ПАВЕЛ, КАК БЛАГОВЕСТНИК ЛЮБВИ И МИРА

Будущий историк при характеристике переживаемой нами эпохи, несомненно, отметит, как чрезвычайное знамение нашего времени, движение народных масс за прочный, длительный мир во всем мире. Стихийно возникшее в разных местах земного шара, это движение начало расти, крепнуть, расширяться и вылилось в форму массового протеста против войны, одновременно облекаясь в организованные формы борьбы за мир во всем мире, за солидарность и процветание дружбы между народами. На протяжении двух лет с небольшим эта борьба вызвала к жизни множество национальных конференций сторонников мира, два Всемирных Конгресса, Постоянный Комитет и, наконец, Всемирный Совет Мира, как представительный орган всех миролюбивых народов.

На призыв мировой общественности не могли не откликнуться и некоторые государства, в первую очередь, — наш Советский Союз, который, в лице Верховного Совета, выразил готовность сотрудничать с законодательными органами других государств в укреплении международного мира и 12 марта с. г. принял закон об охране мира.

Такое движение мировой общественности в защиту мира представляет собой естественную реакцию на ужасы Второй мировой войны. Война — одно из отвратительнейших явлений человеческого общежития, но последняя мировая война явилась наивысшим выражением человеконенавистничества. Душегубки, лагери смерти, крематории для сожжения тут же убиваемых людей, еврейские гетто с массовым физическим уничтожением ни в чем неповинных детей, женщин, стариков — вот плоды этого человеконенавистничества. Ироды, нероны, калигулы, атиллы и прочие исторические человеконенавистники кажутся младенцами в сравнении с Гитлером и его приспешниками. Кровь стынет в жилах, если на минуту вообразить, что́ стало бы с миром, если бы восторжествовал Гитлер со своей кликой: физическое уничтожение «начисто» отдельных наций, истребление вообще «ненужных» людей, превращение всех «неполноценных» наций в рабов, культурное и моральное одичание. Поэтому силы мировой общественности не могли не восстать против ужасов человеческой бойни и возможных последствий владычества гитлеровцев и во имя человечности твердо заявили войне свое «довольно!».

С этого времени дело защиты мира вылилось в борьбу против поджигателей войны и в борьбу за такие формы человеческого общежития, при которых война стала бы невозможной.

Христиане всех исповеданий не остались в стороне от этой борьбы и, руководимые евангельским духом, стремятся помочь человечеству в достижении мира. В своем содействии делу мира они следуют Христову Евангелию любви, особенно подробно и глубоко раскрытому св. Апостолом Павлом.

С именем этого Апостола у нас всегда соединяется история чудесного распространения христианской веры в самой густо населенной и наиболее культурной части греко-римского мира — Малой Азии, Греции, Македонии, Риме и островах Крите и Кипре.

Апостол Павел был глубочайший христианский мыслитель, так как в своих богодухновенных посланиях он не только раскрыл догматико-вероучительные и нравоучительные истины веры Христовой, но и дал целостное христианское миросозерцание.

Для лучшего понимания проповеди Ап. Павла нужно представить себе, какова была культура греко-римского языческого мира того времени. Жизненным нервом этой культуры, бесспорно, был крайний эгоизм, который нашел свое выражение во всех сторонах древне-языческого мира и, прежде всего, во взаимоотношениях между государствами, между слоями общества внутри отдельных государств и в личной семейной жизни граждан. Поработить и подавить своих соседей — вот основная тенденция международных отношений в древнеязыческом мире. Понятия — самоопределение народностей, развитие национальностей, с чем мы так сроднились, были чужды и непонятны древнеязыческому миру, который не знал мирного сотрудничества отдельных государств. Напротив, сильные государства старались поработить себе более слабые народы.

Тот же крайний эгоизм мы наблюдаем и во взаимоотношениях социальных слоев древнеязыческого мира, который знал только свободных и рабов. Первым принадлежало все, вторым — ничего. Раб считался не человеком, а вещью. За убийство своего раба свободный не отвечал, а за убийство чужого раба нес лишь материальную ответственность. Рабы были лишены и политических, и гражданских, в том числе, имущественных прав.

Контингент рабов вербовался из покоренных народов. Рабов было так много, что в период греческого владычества (век Перикла — пятый до Р. Х.) на одного свободного грека приходились два раба; то же было и в Риме в период его всемирного господства. Особенно много рабов было в крупных городах: в греческом Коринфе из семисот тысяч человек населения было пятьсот тысяч рабов; в Риме, имевшем более миллиона жителей, рабов и вольноотпущенников из рабов было так много, что коренные римляне терялись в гуще рабского населения.

Рабы, как скот, продавались на невольничьих рынках с дощечками на шее, в которых указывались — возраст раба, его свойства и достоинства. На главном невольничьем рынке острова Делоса ежедневно продавалось по несколько тысяч рабов. А рабы — гладиаторы должны были умирать ради потехи публики, сражаясь друг с другом.

Рабство так вошло в сознание древнеязыческого человечества, что никто из свободных не возвысился до представления о том, что раб такой же человек, как и все свободные. Величайшие философы древности — Платон и Аристотель считали рабство нормальным явлением. Аристотель говорил, что все варвары, т. е. не-греки, должны быть рабами и что рабство — вечный закон природы. Платон делил всех людей на свободных, которые обладают рассудком, и рабов, которые могут исполнять приказания господ. Эти философы, давшие проекты «идеального государства», необходимым условием его существования считали рабство; свободные должны заниматься политикой, философией, наукой, а средства для их существования должны давать рабы.

Тем же эгоизмом была проникнута и семейная жизнь в древнеязыческом мире. Семьи в нашем смысле древнеязыческий мир не знал: жена была на рабском положении.

Крайний эгоизм пронизывал и мораль древнеязыческого человечества. Такие добродетели человеческой души, как сострадание и милосер-

дие обычно считались малодушием. Так, в римских цирках поверженные на землю гладиаторы обычно добивались победителями по приговору зрителей, опускавших палец руки вниз.

Древнеязыческая мораль знала слово «любовь», но эта любовь означала не самопожертвование ради ближнего, а чувственную страсть к телесной красоте. Лишь эллинизм на высших ступенях своего развития (Сократо-платоновская философия) возвысился до понятия любви, как духовного восторга, или экстаза, при философско-поэтическом созерцании идей, но и эта любовь не имела ничего общего с христианским самопожертвованием.

Таков был духовный облик языческого мира, с которым столкнулся Ап. Павел при насаждении христианства.

В учении Ап. Павла раскрывается идея о спасении человеческого рода через Искупительную Жертву Богочеловека, Христа Спасителя, примирившего человека с Богом. По Апостолу, мир в его совокупности есть откровение всемогущества и премудрости Божией, о чем свидетельствует гармония, наблюдаемая как в физической природе, так и в человеческом духе (Римл. I, 19—20; Деян. 17, 27—28).

«Когда пришла полнота времени» и человечество осознало невозможность спасения собственными средствами, «Бог послал Сына Своего (Единородного)..., чтобы искупить подзаконных, дабы... получить усыновление» (Гал. 4, 4—5) разрушить средостение между человеком и Богом и сочетать небесное и земное воедино (Ефес. 2, 14—15; Колос. I, 20). Христос умер за людей и беспримерным подвигом любви искупил их от греха, возродил к новой жизни. Это возрождение человек получает через веру во Христа, через восприятие Его всем внутренним существом: «Кто во Христе, — говорит Апостол, тот — новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5, 17).

Результатом искупительного дела Христа явилось примирение человека с Богом и снисхождение Бога к человеку, следовательно, и внутреннее умиротворение человека (Римл. 14, 17; Гал. 5, 22—23) и прекращение неприязни (2 Кор. 5, 20).

Мир, ниспосланный Христом Спасителем, есть Царство Божие на земле, созидаемое в Церкви Христовой. Церковь Христова есть форма христианского общежития для осуществления Царства Божия на земле. Осуществляя мир и любовь, Церковь должна так соединять своих членов, чтобы они представляли собой, по единодушию и единомыслию, единый организм (Ефес. 4, 1—3; Римл. 12, 4—5 и др.). Церковь чужда всякого неравенства или предпочтения одних перед другими. Если основой языческого общества была расовая и национальная исключительность, то в Церкви Христовой нет и не может быть деления на эллинов, иудеев, варваров и скифов, так как «один Господь у всех» (Римл. 10, 12; Гал. 3, 28; Колос. 3, 11). Если социальные отношения в языческом обществе утверждались на резко выраженном неравенстве свободных и рабов, то в Церкви нет ни рабов, ни свободных, но «новая тварь», которая во Христа крестилась, во Христа облеклась (Гал. 6, 15; 3, 27).

Какой новизной и каким благоуханием веяли и веют эти призывы Апостола о перевоспитании человека, о преобразовании семьи и общества, о создании «нового человека» на началах подлинного равенства, братства и свободы во Христе во имя ниспосланного Богом на землю мира!

Но Ап. Павел не был социальным и политическим реформатором: евангельское «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мрк. 12, 17) отражается в его учении о Церкви, как форме человеческого общежития. Отрицая расовую и национальную исключительность, на которой созидалось римское языческое государство, Апостол говорит о повиновении «властем предержащим», о богоучрежденности принципа власти:

«нет власти не от Бога»; «противящийся власти противится Божию установлению» (Римл. 13, 1—2).

Призывая людей к внутреннему обновлению, созданию нового человека, «нового творения» во Христе и возвышаясь над исторически сложившимся укладом государственно-социальных отношений, Апостол утверждал универсализм христианства на все времена и для всех народов.

Христианство, как религия любви и мира, должна, по Апостолу, внутренно преобразовывать человека и через то обновлять социальные взаимоотношения людей вне зависимости от исторически сложившихся форм человеческого общежития.

Христианство, как религия любви и мира, имеет, по Апостолу, всемирное назначение, и оно должно соединить в одно целое и «близких» (иудеев, современных Апостолу) и «дальних», т. е. язычников.

Силой же, на которой должен покоиться и созидаться мир во всем мире, является христианская любовь, выражающаяся в жертвенности ради ближнего и в уничтожении эгоизма. Образцом такой любви является Искупительный подвиг Христа Спасителя: «Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью, — пишет Апостол римским христианам, — никому не воздавайте злом за зло..., будьте в мире со всеми людьми...» — «Подражайте Богу.., — указывает он ефесским христианам, — и живите в любви, как и Христос и возлюбил нас и предал Себя за нас» (Римл. 12, 10 и 17—18; Ефес. 5, 1—2).

Итак, христианская любовь есть основа мира среди людей, и для упрочения этого мира необходимо воспитывать в людях любовь.

У Ап. Павла мы находим глубокое раскрытие с религиозно-психологической точки зрения понятия христианской любви и ее свойств, как нормы нравственной деятельности человека. Любовь, по Апостолу, есть всецелая направленность душевных сил человека к Богу и ближнему, чуждая эгоизма, возвышающаяся до самопожертвования. В силу этого любовь составляет активное начало жизнедеятельности человека и основу его веры: христианская любовь есть «превосходнейший путь» христианского и общечеловеческого совершенствования (I Кор. 12, 31), и вера без любви есть «медь звенящая, или кимвал звучащий» (I Кор. 13, 1).

Каковы же свойства христианской любви по Ап. Павлу?

Укажем эти свойства, пользуясь, по преимуществу, собственными выражениями Ап. Павла.

1) Любовь — братолюбива, т. е. проявляется в самоотверженном служении своему ближнему без различия национальности и социального положения людей (Римл. 12, 10). Если в язычестве любовь ограничивалась преимущественно любовью к любящему, и в иудействе — любящим Бога и израильтянина — еврея и допускала вражду и проклятие ко врагам Бога и близких, то в христианстве она расширяется до любви ко врагам (Мф. 5, 44).

2) Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует (I Кор. 13, 4), т. е. полная жертвенность для ближнего исключает возможность какого-либо нехорошего пожелания против ближнего, а отсюда ее долготерпение и милосердие к ближнему.

3) Любовь не превозносится, не гордится (I Кор. 13, 4). Гордость и надменность — превозношение пред другими, заставили греков и римлян, как представителей языческого мира, разделить людей по признакам нации, социального положения и пола, т. е. на варваров и скифов, рабов и свободных, мужский пол и женский. Она же понудила иудеев разделить мир на Израиля и язычников, обрезанных и необрезанных, подзаконных и беззаконных (Римл. гл. 2—3; Гал. гл. 2, 3, 4, 5 и др.).

В христианской любви нет места гордости и надменности, так как все — одно во Христе Иисусе, все — братья во Христе.

4) Любовь не бесчинствует, т. е. не знает безобразия (I Кор. 13, 5). Для древнего грека-язычника все, что нарушает понятие красоты, т. е. гармонию форм, — все хилое, слабое, больное недостойно любви. Христианская любовь не взирает на физические недостатки человека, а видит в нем прежде всего его духовную красоту, его богоподобную душу, искупленную Кровью Господа.

5) Любовь не ищет своего (I Кор. 13, 5). Языческая любовь себялюбива, то же, хотя и в меньшей степени, относится и к любви древнего Израиля, так как она обосновалась на принципе «око за око», «зуб за зуб». Основа христианской любви — жертвенность, т. е. состояние, чуждое себялюбия.

6) Любовь не мыслит зла (I Кор. 13, 5; Римл. 12, 17—18 и 20—21; I Фесс. 5, 15). Не говоря о язычестве, даже в законе Моисеевом предписывалось Израилю зложелательство в отношении к врагам Бога и народа Божия (Втор. 23, 6). Для христианской любви зло, как отрицание добра, стоит за ее пределами. Христианская любовь на все смотрит в свете добра, в ней нет противодействия злу злом, а есть лишь преодоление зла добром (Мф. 5, 39).

7) Любовь не радуется неправде, а сорадуется истине (I Кор. 13, 6—7). Область христианской любви — истина, добро и подлинная духовная красота; поэтому любовь только и может сорадоваться истине из всех проявлений человеческого духа. Христианская любовь своею милостью покрывает все — от человека до ничтожного живого существа, все согревает своею теплотою и освещает своим светом. Эта всеобъемлющая сила любви выражается во всех сферах духовной деятельности человека: в вере, надежде и воле. Вера имеет место в области созерцательно-разумной деятельности человека, любовь христианская дает силу вере в торжество истины и добра в жизни. Любовь христианская питает и надежду, утверждая ее во всепобеждающей силе добра над злом. Любовь воспитывает и волю человека в направлении терпения в достижениях торжества в жизни добрых начинаний и доброго вообще.

Указанные Ап. Павлом свойства христианской любви возвышают ее до Любви Божественной и делают ее необходимым условием всякого разумного бытия. Отсюда — неизбежный вывод, какой и делает Апостол: «любовь никогда не перестает» (I Кор. 13, 8), т. е. является основой человеческого существования, подлинной жизнью, которой без любви не может быть.

Таково учение Ап. Павла о любви, как основе мира в Церкви и человеческом обществе.

Это учение, посеянное среди многочисленных христианских общин Малой Азии, Греции, Македонии, Кипра, Крита и Рима, дало, как известно, обильные плоды: бывшие язычники — «сыны противления» — стали светом во Господе (Ефес. 5, 8).

В наше время, когда мир переживает кризис, когда даже носящие имя христиан числят себя открыто в лагере поджигателей войны, т. е. практически отрицают христианство, Ап. Павел из глубины веков шлет нам свое предостерегающее слово и зовет к исполнению христианского долга — быть благовестниками и ратоборцами мира во всем мире: «И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши.., и Бог мира да будет с вами» (Филип. 4, 7 и 9).

ДОЦ.-СВЯЩ. Н. НИКОЛЬСКИЙ

ЗАСЛУЖЕННАЯ НАГРАДА

Деятельность виднейших борцов за мир находит среди миролюбивых народов горячую поддержку и поощрение.

Советский Союз, например, учредил международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами» для ежегодного присуждения «гражданам любой страны мира, независимо от их политических, религиозных и расовых различий, за выдающиеся заслуги в деле борьбы против войны и за укрепление мира» [1].

В начале апреля текущего года специальный Комитет по Международным Сталинским премиям присудил их за 1950 год семи выдающимся представителям демократических сил разных стран. Имена первых лауреатов Сталинских премий известны всему миру. Это испытанные борцы за торжество идеи международного мира:

Фредерик Жолио-Кюри — известный исследователь в области физики атомного ядра, член Французской Академии Наук. Являясь горячим сторонником дружбы между народами, Жолио Кюри стал одним из первых энтузиастов применения атомной энергии в мирных целях и повел решительную борьбу за предотвращение новой мировой войны. Он руководил работой двух Всемирных Конгрессов сторонников мира, в период между ними был председателем Постоянного Комитета, а на Конгрессе в Варшаве был избран Председателем Всемирного Совета Мира. Сочетая в своем лице крупного ученого и виднейшего борца за мир, Ф. Жолио Кюри заслуженно поставлен первым в списке лауреатов Сталинских премий мира.

Сун Цзин-лин, вдова виднейшего деятеля китайского национально-освободительного движения Сун Ят-сена, является крупнейшим государственным деятелем нового Китая. Она известна своей неутомимой борьбой против империалистической агрессии на Дальнем Востоке и пользуется заслуженным авторитетом среди прогрессивной общественности всех стран, как борец за счастье своего народа и за дело мира во всем мире.

Среди лауреатов Сталинских премий мира по достоинству занимает свое место Эжени Коттон — почетный директор Высшей Нормальной школы в Севре (Франция). Во время войны она была активной участницей движения сопротивления и боролась за национальную независимость Франции, а после войны включилась в борьбу за дело мира в качестве инициатора и руководительницы Международной организации женщин. Свою работу она ведет в условиях, требующих большего мужества и самоотверженности, так как подвергается преследованиям правительства Франции.

В трудных условиях приходится действовать в защиту мира и Артуру Моултону, бывшему протестантскому епископу штата Юта в Амери-

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1949 г.

ке. Выступая на многочисленных съездах и конференциях, Артур Моултон неизменно проводит мысль о необходимости мирного разрешения всех вопросов международной политики совместно с Советским Союзом. Защита мира и демократии стала делом жизни этого видного общественного деятеля Америки, и присуждение ему Сталинской премии мира было встречено прогрессивной общественностью с большим удовлетворением.

Сталинской премией «За укрепление мира между народами» награждена и верная дочь корейского народа Пак Ден Ай, которая посвятила все свои силы установлению мира в своей стране и на всем Дальнем Востоке. Занимая пост заместителя председателя Национального комитета защиты мира, Пак Ден Ай является в то же время председателем Демократического женского союза Кореи и ведет огромную работу за дело национального освобождения своего народа от американских интервентов, за мирную жизнь и процветание своей страны.

Заслуги и достоинства каждого лауреата Сталинской премии мира получили в печати широкое освещение, и все искренние сторонники мира могут сказать о них только одно: это — мужественные борцы, достойные высокой награды.

Достоин этой награды и старейший из лауреатов — 77-летний служитель Англиканской Церкви д-р Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора в Англии.

Церковно-общественная биография этого выдающегося борца за мир необычайно богата деятельным служением простому народу. Будучи сыном богатого промышленника-фабриканта, он не пошел по дороге отца, а, проработав несколько лет подмастерьем на одном заводе, избрал скромный путь приходского священника. Такому выбору молодого Х. Джонсона могло способствовать только его христианское мировоззрение, которое ярко освещало для него социальные контрасты нужды и богатства и заставляло рассматривать служение мамоне как несовместимое со служением Богу и враждебное Ему.

Двадцатилетнее пребывание на приходе, в небольшом городке близ Манчестера, послужило молодому тогда священнику Х. Джонсону серьезной школой христианской деятельности, познакомившей его с бытом и условиями труда рабочих, с их нуждами и требованиями. Принимая живое и непосредственное участие в облегчении условий жизни своей паствы, он рано пришел к мысли о необходимости защиты прав народа мерами общественными и явился одним из пионеров христианского социализма в Англии.

Интересно было проследить все перипетии личной и церковно-общественной жизни Х. Джонсона, чтобы понять, каким образом сочетались в нем священство и богословие с политикой, журналистика и общественная деятельность — с настоятельством в Кентерберийском соборе. Но, за отсутствием необходимых сведений, мы ограничимся пока общеизвестными данными о современной деятельности этого выдающегося представителя английской прогрессивной общественности, коснувшись предварительно тех чувств, которые он питает к Советскому Союзу.

Когда наша страна переживала тяжелые испытания последней мировой войны, Х. Джонсон твердо верил в успех русского оружия и возглавлял в Англии Объединенный Комитет помощи Советскому Союзу. По окончании войны он же организовал сбор средств для оказания помощи населению разоренных гитлеровцами областей нашей страны. За это Советское Правительство в 1945 г. наградило д-ра Х. Джонсона Орденом Трудового Красного Знамени. Тогда же, при посещении Московской Патриархии, Х. Джонсон получил от нее в дар наперсный крест с украшениями, который он с той поры постоянно носит на своей груди.

Симпатии Х. Джонсона к нашему народу нашли выражение и в целом ряде его книг, имевших большой успех в Англии и других странах мира. Замечательно, что дело защиты мира он неизменно сочетает с пропагандой социальной справедливости, осуществляемой в Советском Союзе и странах народной демократии.

Когда был созван Всемирный Конгресс сторонников мира в Париже, д-р Х. Джонсон явился активным его участником и был избран в состав Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира. В качестве члена этой организации, он принимал деятельное участие в подготовке Второго Всемирного Конгресса сторонников мира и убежденно говорил с его трибуны о «плановой экономике восточного мира, который не боится безработицы, потому что может потребить все, что́ производит, и стремится к всеобщему миру и свободе для того, чтобы еще больше увеличить производство, поднимающее уровень жизни всех его граждан».

Указывая далее на отношение Запада к делу мира, д-р Х. Джонсон цитировал убийственные для западных «идеологов мира» высказывания американских журналов о страхе перед депрессией, которая исчезает, когда начинается война, говорил о том, что «американская экономика не может потребить всего того, что производится в стране, а отказываясь торговать с Востоком, она стоит перед угрозой краха, если отсутствует стимул войны или страх перед войной».

В этом показательном сравнении Востока и Запада относительно дела мира симпатии д-ра Х. Джонсона естественно склонились к Востоку, приветствующему установление мира на земле, в то время как Запад, в лице правящих классов, боится мира.

На Варшавском Конгрессе д-р Х. Джонсон был избран от Англии в состав Всемирного Совета Мира. Это избрание еще более расширило его деятельность в пользу мира. На первой сессии Всемирного Совета Мира в Берлине он начал прения по докладу Пьетро Ненни сильной речью, в которой еще глубже раскрыл неприглядную правду о западных державах, желающих войны, потому что она оживляет производство и приносит огромные прибыли Уолл-Стриту; сказал правду и о Востоке, который стремится к миру во имя благоденствия своих народов.

В подтверждение этой правды Х. Джонсон противопоставил колоссальные затраты Соединенных Штатов Америки на вооружения мирным начинаниям Советского Союза, озабоченного повышением жизненного уровня своего народа; сравнил также наличие у США 500 воздушных баз, расположенных за тысячи миль от американских берегов и окружающих кольцом Советский Союз, с отсутствием русских войск за пределами русской территории, не считая Австрии и Германии, где они находятся по праву, обусловленному договорами.

Разоблачив, далее, план Маршалла, как попытку США установить свое господство в Европе, д-р Х. Джонсон указал на истинный источник военной угрозы и призвал западные народы сбросить для ее предотвращения долларовые цепи. «Тогда, — сказал он, — мы увидим объединенную Германию..., объединенную Европу..., освобожденную Корею, окруженный почетом Китай и объединенный мир — восточный и западный; тогда мы увидим мир во всем мире и основы подлинного всемирного братства».

Своими многочисленными выступлениями в защиту мира, в защиту единства интересов простых людей всех народов настоятель Кентерберийского собора д-р Х. Джонсон приобрел большое влияние на умы народных масс Англии и других стран Западной Европы и Америки. Недаром их правительства все время пытаются ограничить его пропагандистскую деятельность, разоблачающую их агрессивные замыслы. Поэтому вполне понятно то удовлетворение, с которым прогрессивные

круги всех стран встретили присуждение д-ру Х. Джонсону Сталинской премии мира.

По поводу этой награды, из Московской Патриархии 9 апреля с. г. была послана д-ру Х. Джонсону телеграмма следующего содержания: «Настоятелю Кентерберийского собора Хьюлетту Джонсону, Кентербери, Англия. С любовью приветствуем Вас, мужественного и многолетнего борца за мир, с заслуженной наградой — Сталинской премией «За укрепление мира между народами. Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский».

На эту телеграмму настоятель Кентерберийского собора д-р Хьюлетт Джонсон ответил Его Святейшеству и Митрополиту Николаю следующим письмом:

«Дорогие братья во Христе! Было бы трудно преувеличить удовольствие, которое я испытал, получив прошлой ночью вашу телеграмму.

Мы знаем, что единство христиан еще более укрепляется, когда они работают для общей цели — для дела мира и братства среди людей. В этом отношении ваши труды и усилия Великой Церкви, которую вы возглавляете, поддерживают нас на Западе.

Награда, пожалованная мне, высока и желанна. Но я бы хотел, чтобы она увенчала бо́льшие заслуги, чем мои. Поэтому эти деньги будут отданы мною в фонд борьбы за мир. Мне вдвойне приятно, что эта награда исходит от великого народа, который постоянно и доблестно боролся за мир и продолжает бороться за него под мудрым руководством Генералиссимуса Сталина и его соратников.

Я искренне верю, что дело, за которое мы боремся, увенчается успехом в ближайшее время, и не сомневаюсь, что этот успех будет длиться долгое время.

Остаюсь с дружеским приветом искренно преданный Хьюлетт Джонсон, настоятель Кентерберийского собора».

В этом обмене приветствиями признание мужества и заслуг награжденного встретилось с его скромностью, которая заставляет этого выдающегося защитника мира находить удовлетворение не в награде, хотя бы и заслуженной, а в исполнении своего христианского долга.

А. ВЕДЕРНИКОВ

СИЛА ЛЮБВИ

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ В СКОРБЯЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ, ЧТО́ НА ОРДЫНКЕ в г. МОСКВЕ

«Крепка, как смерть, любовь»
(Песнь Песней 8, 6).

Как православные христиане, вы знаете, дорогие мои, что второе воскресенье после дня Святой Пасхи посвящено прославлению жен-мироносиц.

Уже много веков прошло со времени подвига этих святых женщин. И за эти истекшие века сколько христиан, читая священное евангельское повествование, вдохновлялось на своем земном пути к вечному спасению этим подвигом! Сколько православных людей в наших храмах в это воскресенье жен-мироносиц чествует своими устами и своим сердцем никогда не умирающую их «святую память». И после нас с вами наши православные потомки, подобно нашим предкам и нам самим, будут умиленным духом преклоняться перед священным образом евангельских мироносиц.

Мироносицы — носящие миро. Это те женщины, как вы знаете, которые в ночь Воскресения Христова спешили ко Гробу Господню с миром в руках, чтобы по восточному обычаю возлить благовонные ароматы на бездыханное Тело своего Божественного Учителя.

Но не в эту ночь Воскресения Христова и не в предыдущий день создалось и сплотилось это содружество женщин мироносиц. Мы знаем со страниц святого Евангелия, что, когда Господь Спаситель обходил со Своею проповедью города и селения, вокруг Него всегда собиралась толпа народа. Был народ, который подходил, слушал и расходился. Но среди этого народа, кроме избранных апостолов Христовых, Господа Спасителя всегда сопровождала группа женщин. Сначала их было немного, в дальнейшем число их росло. Они сопровождали своего Божественного Учителя не только с тем, чтобы поучаться словами, исходящими из уст Христовых, но и с тем, чтобы, в силу все возрастающей любви к Нему, служить Господу всем, чем они только могли. Они заботились о ночлеге Господа Иисуса Христа, о Его пище и питии. Может быть, они наводили порядок там, где толпа слишком теснила Божественного Проповедника. Они, говорит святой евангелист, служили Господу «имением своим» (Лк. 8, 3), своим имуществом. Для дела заботы о Спасителе они приносили то, что́ имели в своих домах.

Не все имена этих жен-мироносиц нам известны. Евангелисты и священное предание сохранили нам ряд их имен: Мария Магдалина, Мария — мать Иакова меньшего и Иосии, Саломия, Иоанна, Марфа и

Мария — сестры Лазаря, Сусанна и другие. Среди них были женщины богатые и знатные: Иоанна была женой Хузы, домоправителя царя Ирода; простые и не знатные: Саломия, мать сынов Зеведеевых Иакова и Иоанна, была женой рыбака. В числе мироносиц были женщины одинокие — девы и вдовы, были и матери семейств, которые, будучи увлечены словом проповеди Господа Спасителя, оставляли свои семьи, свои дома, сопутствуя Господу вместе с другими женщинами в заботах о Нем.

«И не столь удивительно, — говорит св. Иоанн Златоуст, размышляя о подвиге жен-мироносиц, — что они привязались своим сердцем к Господу Спасителю в те дни, когда сквозь пелену Его смирения и уничижения проступала Божественная Слава в Его чудесах, когда раздавалась еще неслыханная на земле проповедь. Но для нашей мысли изумительно видеть их не поколебавшихся в своей любви к Господу, когда Он, истерзанный, оплеванный, был предан на смерть».

Жены-мироносицы стояли у подножия креста Христова, проливая слезы сострадания и утешая, как могли, плачущую Богоматерь. И даже в последние минуты земной жизни Христовой, когда и Божия Матерь и св. Иоанн Богослов отошли от креста, святые женщины не отступили от Распятого Спасителя. Вместе с Никодимом и Иосифом, тайными учениками Христовыми, они участвовали в погребении своего Учителя. И они видели, как это погребение, совершавшееся поспешно, ввиду приближения праздника еврейской пасхи, не было завершено возлиянием ароматов на бездыханное Тело дорогого Усопшего.

Они проводили Преблагословенную Субботу в тревоге о том, успеют ли они в субботу вечером, по окончании праздника, приобрести миро и другие ароматы и завершить незаконченное: возлить ароматы на Тело Господа Иисуса Христа.

Все вы знаете, мои дорогие, — и об этом вспоминаем мы в дни Святой Пасхи, — что Господь Спаситель в награду за эту преданную, самоотверженную любовь жен-мироносиц первым явился им по Воскресении Своем и, явившись, сказал им: «Радуйтесь!». Этими словами Он возвестил им о том, что́ ожидало их не только в остальные дни их земной жизни — о радости жить со своим Господом в сердце, — но и о той вечной радости, какая их ждет по окончании земного пути.

Этих женщин мироносиц за их подвиг любви наша Церковь почитает святыми, и, как святым, приносим мы им в этот день свои молитвы, прося о том, чтобы они молитвами за нас пред Престолом Божиим помогали нам, грешным, совершать свой путь к вечному спасению и воодушевляли нас к такому же подвигу.

Святые жены-мироносицы своим примером говорят нам о том, какой должна быть любовь ко Господу. Истинная любовь — не кратковременный порыв нашего сердца. Она постоянна, крепка и никогда не умаляется. Она неизменна и в радости, в благополучии, в счастьи, и одинаковым огнем горит в сердце каждого истинного христианина в минуты скорби, в дни испытаний, в годины болезней. Мы не должны быть подобными тем, о ком сказал Спаситель в Своей притче: «Они временем веруют, а во время искушения отпадают» (Лк. 8, 13).

Одинаково пламенеющей была любовь у прославляемых нами жен-мироносиц и тогда, когда Господь совершал чудеса и народ славил Его, как Великого Чудотворца, и когда, униженный и избитый, Господь умирал на кресте под злобные крики воинов и толпы, и когда бездыханное Тело лежало во гробе.

Святые жены-мироносицы во имя любви ко Господу принесли в жертву все те страхи и опасности, какие сопутствовали им под покровом ночи, когда они торопились к дорогому Гробу Усопшего Спасителя. Любовь не бывает без жертв. Истинная любовь — всегда любовь жерт-

венная. Разве мы этого не видим даже в нашей обычной жизни? Мать, проводя долгие бессонные ночи у постели больного дитяти, разве не жертвует своим отдыхом и своим здоровьем во имя любви к своему ребенку?

Господь Спаситель, ожидая от каждого из нас любви к Себе, завещал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим» (Мф. 22, 37). В лице мироносиц мы имеем яркий пример того, какой должна быть любовь всем сердцем и всей душой. И каждый из нас, мои дорогие, во имя своей любви к Спасителю не смеет уклоняться ни от каких подвигов, если к ним зовет нас долг этой любви.

Строгое воздержание от пищи в дни Великого поста и, особенно, Страстной седмицы во имя любви к страдающему Господу; участие в наших продолжительных великопостных богослужениях, может быть и в переполненном до тесноты храме; необходимость отречения от грехов и страстей и нравственного перерождения, как плодов нашего подвига покаяния; целожизненная борьба с искушениями — все это выполняет душа истинного христианина во имя любви к Богу, не боясь никаких жертв.

Женщины мироносицы напоминают нам своим подвигом о том, что наша любовь к Богу должна быть глубоко преданной, сыновней любовью нашего сердца, за все благодарного Господу.

Кто хочет проявить такую любовь к Господу, люби святой храм и молитву в нем, где незримо среди нас присутствует Сам Спаситель. Здесь возвещается Его Божественное слово, произносятся те же слова, какие Он Сам произнес в дни Своей земной жизни, в часы и минуты Своей Божественной проповеди. Здесь, на Престоле Божием, приносится Бескровная Жертва за грехи всех живых и всех усопших детей Христовой Церкви. Здесь соприсутствуют с нами на нашей молитве члены Небесной Церкви Христовой: святые ангелы, угодники Божии. Здесь с нами — в это верует Святая Церковь — сопребывает и Преблагословенная Матерь нашего Сладчайшего Господа, наша Небесная Владычица и Заступница.

Кто хочет иметь истинную сыновнюю любовь к Богу, покажи ее в любви друг ко другу, к ближнему своему, во имя любви к Небесному Отцу. Никогда не забывай слов, сказанных Господом: «Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). Все, что́ ты делаешь своему ближнему, что́ ты подаешь ему в руки от сердца, любящего Господа, все, чем утешаешь скорбящего и плачущего, — это ты подаешь Самому Господу, исполняя «первую и наибольшую» заповедь каждого православного христианского сердца о любви к Богу и вторую, «подобную ей», — о любви к ближнему (Мф. 22, 38—39).

И святые мироносицы вдохновляют нас, как вдохновляли наших предков, как будут учить своим примером и после нас православных христиан, — любить Господа Бога, до конца дней земной жизни каждого из нас, любовью, никогда не отпадающей, всегда пламенеющей, всегда готовой к жертвам, преданной и благодарной.

Эти женщины напоминают не только о священном долге нашей любви к Господу Спасителю и друг ко другу, но и о долге, во имя любви к Богу, нашей братской любви к дорогим усопшим нашим отцам, братьям и сестрам. Смотрите, как для жен-мироносиц бесконечно дорого и бездыханное Тело их Учителя, как дорога им и эта могила, и этот гроб, принявшие в себя Тело их любимого Божественного Друга и Учителя!

Если тогда, когда не была со всей ясностью открыта тайна вечной жизни, когда жены-мироносицы, как и святые апостолы Христовы, еще

не понимали слов Христовых: «Верующий в Меня не умрет вовек» (Ио. 11, 26), — такой была любовь к умершему и к дорогому гробу, такой была забота о бездыханном Теле, — то какой священной должна быть память об усопших наших близких для нас, христиан, знающих о том, что нет мертвых в гробах и у Господа все живы! В нашем сердце память об умерших братьях и сестрах должна быть всегда живой во имя любви к Богу и ближнему. Во имя этой любви мы оказываем отошедшим от нас ту помощь, какой все они ждут от нас, унеся с собою веру в то, что в наших сердцах не угаснет не только их имя, но и наша любовь — сыновняя к родителям, родителей — к детям, любовь дружеская и родственная, связавшая нас с ними, пока дорогие нам покойники находились среди нас. По примеру святых жен-мироносиц, наша любовь к умершим должна быть любовью действенной, выражаться в делах.

Какие же добрые дела, какую помощь мы можем оказать нашим усопшим братьям?

Мы с ними не порываем и не порвем до конца своих дней духовного общения. Глава Церкви Небесной и земной — Господь наш Иисус Христос объединяет всех нас, и живых и умерших, в одну семью. Мы знаем из слова Божия: «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22, 32). Все мы, живые дети Церкви Христовой, и они, отошедшие от нас, составляем одну Святую Церковь, которая живет, управляется, воодушевляется любовью, премудростью, всемогуществом Того, Кто стоит во главе ее — Господом нашим Иисусом Христом.

У нас есть оставленное нам Господом великое средство духовного взаимного общения — молитва. Молитва — всемогущая сила, которая прорезает небеса, доходит до Престола Божьего, низводит благословение Небесного Отца. Мы и здесь, живя на земле, но будучи разлученными друг с другом, имеем духовное общение между собой в молитве: мы друг за друга молимся и, являя этой молитвой любовь друг ко другу, объединяемся духом, не взирая на разделяющее нас расстояние.

И какова сила такой молитвы друг за друга!

Св. апостол Павел просил свою паству, чтобы она молилась о нем и о силе его проповеди, а сам молился о том, чтобы Господь укреплял христиан на пути к вечному спасению. И св. апостол утверждает, что такая взаимная молитва обладает великой силой. Мы видим проявление такой молитвы из книги Деяний Апостольских, читая в ней о чудесном избавлении апостола Петра из темницы. Когда апостол находился в заключении, о нем молилась вся его паства, и чудом Господа, пославшего ангела, апостол был изведен из темницы.

А сколько случаев чудодейственной силы молитвы мы знаем из жизни угодников Божиих! Мы знаем, как недавно еще живший среди нас праведник, о. Иоанн Кронштадтский, получая со всех концов земли личные, письменные, телеграфные просьбы помолиться за скорбящих и болящих, собирал эти записки и телеграммы, становился на молитву у жертвенника в алтаре, клал свои руки на эту груду писем, весь обращаясь духом в молитву, испрашивая благословения Божия ищущим его. И люди, пославшие просьбу, через несколько дней, необходимых для того, чтобы эта просьба дошла до о. Иоанна, — находясь за много тысяч верст от того города, где о. Иоанн трудился на своем подвиге, получали облегчение и исцеление. Такова сила молитвы.

И наша молитва за наших дорогих покойников является средством духовного общения с нашими усопшими отцами, братьями, сестрами, детьми, является путем передачи им голоса нашего сердца. Мы молимся об их упокоении, мы просим у Господа милости для них, дарования Царства Небесного. И наша молитва за собратьев не может остаться не услышанной Тем, Кто слышит каждый вздох верующего человека, даже еще не вырвавшийся из груди. И по нашим молитвам, по

молитвам всей Церкви об усопших, Господь посылает утешение и облегчение душам тех, которые отходили к Нему хотя бы с зачатками веры, хотя бы с началом, и не доведенным до конца, покаяния в своих грехах.

Еще бóльшее значение имеет для душ усопших, для их посмертного утешения и для облегчения их участи, Бескровная Жертва, приносимая за Божественной Литургией. Святитель Димитрий Ростовский говорит: «Если бы только мы могли себе представить, с каким волнением ожидает душа усопшего той минуты, когда ты войдешь в храм Божий, когда подашь его имя для поминовения, когда вынется частица за упокой его души! Каким радостным трепетом наполнится его душа, когда эта частица, по уставу Церкви, опускается в Святую Чашу, омывается Святою Кровью Христовой при молитве совершителя богослужения: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честнóю»!

Когда мы сами будем там, мы почувствуем, как будем нуждаться в этой молитве о себе, с каким трепетом будем ожидать молитвы тех, кто останется жить после нас и будет приносить молитву за нас перед Господом.

Молитва — это не только средство общения нашей души с душой усопшего, но это — доброе дело, дело любви, какое каждый из нас во имя любви к Спасителю творит в отношении тех близких и дорогих, с которыми мы вместе жили, вместе молились, вместе воздыхали в дни поста вздохами покаяния в своих грехах и вместе предстояли перед Святой Чашей.

Если ты хочешь сделать еще другое доброе дело душе усопшего, подай в память его милостыню бедному, сделай еще что-нибудь доброе по велению твоего сердца, во имя упокоения и спасения души дорогого тебе человека.

Через эти добрые дела, какие мы совершаем во имя умерших, Господь подает их душам Свое благословение, Свою Отеческую любовь. Он— Всеправедный Судия и Отец людей. Он ли не воздаст за наше малое доброе дело Свою любовь тем, кого мы поминаем, во имя кого совершаем это доброе дело? Он — Сладчайший Утешитель всех скорбящих и унывающих и, принимая из наших рук, из нашего сердца дела любви, совершаемые во имя усопших, Он ли не ответит Своими милостями душе того, чье имя мы носим в своем сердце и во имя кого мы творим доброе дело?

Так, дорогие мои, подвигом своей любви к Спасителю святые мироносицы всех нас научают, как надо исполнять заповедь Христову: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и ближнего твоего, как самого себя». Любить Господа и во имя этой любви любить ближнего, и живущего и усопшего, — священный долг каждого истинного христианина. И об укреплении нас в этой любви мы просим сегодня святых жен-мироносиц, их примером мы назидаемся. Мы веруем, что они своими молитвами пред лицом Того, Кому сейчас предстоят, прославляя на небесах вечную Пасху Христову, испросят у Господа нам, грешным, помощь на нашем пути к вечной жизни.

С помощью благодати Божией пусть в каждом из нас горит, не умирая, не умаляясь, не прерываясь, любовь к Небесному Отцу, и во имя ее да будет среди нас больше и больше братолюбия, больше дел любви для живых наших собратьев и добрых дел для тех, кто от нас ушел в вечность, но ждет от нас никогда не отпадающей к ним любви.

Митрополит Николай

УТРО И ВЕЧЕР ВЕЛИКОГО ДНЯ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

Евангельские сказания о событиях великого дня Воскресения Христова, особенно о событиях раннего утра, настолько кратки и отрывочны, что только путем сопоставления повествований всех Евангелистов можно до некоторой степени установить хронологическую последовательность этих событий и с большей или меньшей вероятностью представить целостную картину необычных происшествий этого дня. Между тем воспроизведение в хронологической последовательности отдельных моментов великого дня Воскресения Христова имеет немаловажное значение в том отношении, что оно помогает проследить процесс постепенного изменения душевного настроения ближайших последователей Христа, переход их от мрачной скорби к неописуемой радости, от сомнения и колебаний — к твердой вере и несокрушимому убеждению в действительности Воскресения Христова.

Повествуя о первом дне Воскресения, евангелисты, естественно, говорят о явлениях Воскресшего Своим ученикам. Таких явлений в первый день было пять: явление Марии Магдалине, женáм-мироносицам, ап. Петру, двум ученикам, шедшим в Эммаус, и явление ученикам при закрытых дверях дома. Одни из этих явлений падают на утро первого дня, другие — на вечер. Повествованиям о явлениях воскресшего Господа предшествуют сказания Евангелистов о путешествии ко гробу Спасителя жен-мироносиц. Оно, подобно утренней заре, открывает самый день Воскресения.

Жен-мироносиц, пришедших с Иисусом Христом из Галилеи и не оставлявших Его в последние дни Его жизни, сопутствовавших Ему на Голгофу, в ужасе и невыразимой скорби созерцавших крестные муки возлюбленного Учителя и видевших погребение Его, — было несколько. Некоторых из них Евангелисты называют по имени: то были — Мария Магдалина и другая Мария, именно мать Иакова меньшого и Иосии, Саломия, — мать сынов Зеведеевых — Иакова и Иоанна, и Иоанна — жена Хузы, домоправителя Иродова. Вероятно, кроме этих четырех, были с ними и еще другие женщины, неясное указание на что скрывается в прибавлении Ев. Луки «и другие с ними» (Лк. 24, 10), а также в общем выражении Ев. Марка «были тут и женщины, которые смотрели издали» (Мрк. 15, 40) и «между которыми» Евангелист поименно указывает затем трех. Все эти пламенные последовательницы Христа, свидетельницы Его крестной смерти и спешного, в виду наступления священного вечера, погребения Распятого, возвратились в Иерусалим. «Возвратившись же, приготовили благовония и масти» (Лк. 23, 56), чтобы по прошествии субботы придти на гроб и помазать Тело Иисусово.

Запасшись всем необходимым для воздания последних почестей возлюбленному Учителю, жены-мироносицы «в субботу остались в покое по заповеди» (Лк. 23, 56). Хотя субботний покой оканчивался обыкновенно с заходом солнца, но они, вероятно, не решились идти ко гробу к ночи и потому ждали наступления следующего за субботой дня. Это тем вероятнее, что некоторые из них самую покупку ароматов смогли произвести только «по прошествии субботы» (Мрк. 16, 1), так как возвратились в город в пятницу, очевидно, поздно вечером, до конца оставаясь свидетельницами печального обряда, и «смотрели гроб и как полагалось Тело» Учителя. Евангелисты не говорят, вместе ли все проводили эту субботу жены-мироносицы или они были в разных домах города Иерусалима. Нам кажется, что второе предположение будет более вероятно. Во-первых, трудно допустить, чтобы в Иерусалиме, необычайно переполненном во дни Пасхи, можно было найти такое помещение, которое могло бы быть приютом для нескольких лиц и притом не на один день, — и гораздо легче было приютиться по одному, двум у родственников и знакомых. Во-вторых, при таком предположении понятнее те различные указания времени, какие даются евангелистами при описании путешествия мироносиц ко гробу Спасителя. «На рассвете первого дня недели» (Мф. 28, 1), «весьма рано, в первый день недели» (Мрк. 16, 2), «в первый же день недели, очень рано» (Лк. 24, 1), «рано, когда было еще темно» (Ио. 20, 1) — так обозначают евангелисты время путешествия жен-мироносиц. Хотя существенного противоречия между этими выражениями и нет, но некоторое различие, несомненно, имеется. Не объясняется ли это различие тем, что мироносицы выходили из разных мест города и для одних предстоящий путь был длиннее, для других — короче, почему, стремясь к одной цели, одни из них должны были начать свое путешествие так рано, когда было еще темно, другие — весьма рано, иные — на рассвете первого дня, причем, естественно, что, чем ближе они подходили к цели своего путешествия, тем ближе они сходились одна с другой, так что к самому гробу пришли вместе.

Впрочем, стремительная и пылкая Мария Магдалина, безмерно благодарная Христу за изгнание из нее бесов (Лк. 8, 2), видимо, опередила своих подруг и раньше их подошла ко гробу. К такому заключению приводит сопоставление синоптических повествований с повествованием Евангелиста Иоанна Богослова. В то время как синоптики повествуют о путешествии ко гробу группы жен-мироносиц, Евангелист Иоанн, писавший свое Евангелие позже всех Евангелистов и дополнявший опущенное первыми тремя, выделил рассказ о Марии Магдалине ввиду того, что ее путешествие ко гробу Спасителя имело некоторые очень важные особенности, которые этот Евангелист и отмечает в своем повествовании. Так как эти особенности Евангелист узнал от самой Марии Магдалины, то ясно, что в данном случае мы имеем дело с показаниями свидетеля-очевидца, что́ всему повествованию придает значение неоспоримой истины.

Надо думать, что на пути ко гробу Мария Магдалина, так же как и другие жены, была озабочена мыслью, кто поможет отвалить камень от двери гроба, который был весьма велик (Мрк. 16, 3—4) и сдвинуть который было не под силу слабым женщинам. Каково же было удивление Марии, когда она, вероятно, еще не подойдя ко гробу вплотную, увидела, что «камень отвален от гроба» (Ио. 20, 1) и гроб открыт. Молнией промелькнули в уме Марии мысли: кто отвалил камень? Зачем открыли гроб? Очевидно, не с доброй целью. Наверно, унесли тело Учителя... И вот Мария, даже не заглянув внутрь гроба, в страхе и недоумении бежит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: «Унесли Господа из гроба, и не знаем, где поло-

жили Его» (Ио. 20, 2). Испуганные этой вестью, апостолы тотчас же побежали к пещере.

Между тем, подошли ко гробу и прочие жены-мироносицы — Мария Клеопова, Саломия и Иоанна. Они также увидели гроб отверстым и камень отваленным от гроба и, конечно, также удивились, испугались и недоумевали, что́ это значит, и нашли в себе силы подойти ближе и даже войти в пещеру гроба. «И, вошедши, не нашли Тела Господа Иисуса» (Лк. 24, 3). Представшая очам их пустота гроба еще более усилила их тревогу и недоумение. «Когда же недоумевали они о сем» (Лк. 24, 4), явившиеся им здесь Ангелы рассеяли их недоумение, возвестив радостную весть воскресения. «Иисуса ищете Назарянина, распятого... Что вы ищете живого между мертвыми?.. Его нет здесь: Он воскрес... Вот место, где Он был положен... Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь» (Мф. 28, 5—6; Мрк. 16, 6; Лк. 24, 5—6). Напоминанием о том, что Господь Сам, еще будучи в Галилее, предрекал о Своем распятии и воскресении, а также повеление Ангела женам идти и возвестить апостолам о воскресении Христа, подтверждали женам-мироносицам, что все происходящее с ними есть не плод расстроенного воображения, не галлюцинация зрения и слуха, а действительный факт, неоспоримая реальность. Они, эти слова, ставили событие воскресения в тесную связь с прошедшим, которого оно было логическим продолжением, столь же реальным и несомненным, как и само это прошедшее; с другой стороны, они, указывая задачу настоящего (идите, возвестите), еще более удостоверяли несомненную действительность события Воскресения Христова. «И, вышедши поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его» (Мф. 28, 8). Обращает на себя внимание здесь смена настроений жен-мироносиц. Когда они пришли ко гробу и увидели пустоту его, их охватило недоумение, которое сменилось страхом и ужасом при виде небожителей, так что Ангел, прежде всего, обратился к ним со словами успокоения: «Не бойтесь», «не ужасайтесь». Страх этот сменился великой радостью, вызванной отраднейшею вестью о Воскресении Христа. Охваченные смешанным чувством страха и радости, мироносицы поспешили в город Иерусалим поделиться всем виденным и слышанным с апостолами. Но как только они отошли от гроба, ими снова овладел «трепет и ужас» (Мрк. 16,8): умолк ободрявший их голос Ангела, скрылось видение светлых небожителей, они остались одни, сами с собою, с мыслию о необычайном событии, и естественно, что радость, ввиду именно необычайности события, снова уступила место благоговейному трепету и ужасу, под впечатлением которых они «побежали от гроба», молча в глубинах души переживая все происшедшее с ними и «никому ничего не сказали», — ни с кем не разговаривая о случившемся.

Тем временем апостолы Петр и Иоанн, встревоженные вестью Марии Магдалины об исчезновении из гроба Тела Господа Иисуса, спешно направились ко гробу. «Они побежали оба вместе», но так как Иоанн был моложе Петра, то бежал скорее и потому «пришел ко гробу первый». Его взору предстала та же картина: отваленный от пещеры камень и отверстый гроб. Однако Иоанн не вошел внутрь гроба, может быть, из почтения к отставшему старшему — Петру, и только наклонившись и заглянув в отверстие пещеры, увидел пустоту гроба и лежащие там пелены. Вслед за ним прибежал и Симон Петр. Он стремительно вошел в пещеру гроба, увидел, что Тела Господа Иисуса действительно нет во гробе, но пелены, которыми было повито Тело Его, лежат тут свернутые в полном порядке и плат, который был на голове Его, также свернут и лежит отдельно, на особом месте. Все это — пустота гроба и тот порядок, в котором находились пелены — так поразили Петра, что он «пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему».

Несомненно, мысль апостола вращалась вокруг вопроса: что́ значит все виденное? Куда исчезло погребенное Тело Учителя? Кто мог взять его? Чем объяснить такой удивительный порядок в пещере гроба? На эти вопросы Петр не находил ответа и возвращался, «сам в себе» переживая происшедшее.

После Петра вошел в пещеру гроба и другой ученик — ап. Иоанн. Он увидел ту же картину — пустой гроб и лежащие в порядке одежды. «И увидел, и уверовал», — кратко и выразительно замечает сам очевидец и спутник Петров. Во что же он «уверовал»? Самым естественным будет предположение, что ап. Иоанном в данном случае руководила его любовь к Божественному Учителю, та любовь, которая побудила его, почти одного из всех, последовать за взятым в саду Гефсиманском Иисусом Христом, привела его во двор первосвященников, дабы хотя издали следить за Божественным Учителем, которая затем привела его и на Голгофу и поставила у Креста Господа; любовь, которая еще раньше сделала его любимым учеником Христовым и которая теперь заставила его скорее прибежать ко гробу Учителя. Известно, что искренняя, сильная, глубокая любовь удивительным образом действует на все силы человека, сообщая ему способность видеть дальше, чувствовать глубже, проникать в сокровенное, обостряя самую мысль человека и возвышая ее до способности предвидения или прозрения будущего. Вот эта-то одушевлявшая ап. Иоанна любовь, которая «всему верит, всего надеется» (I Кор. 13, 7), и могла, думается нам, при взгляде на пустой гроб, мгновенно, так сказать, озарить ум апостола, заставить его вспомнить все, что говорил Божественный Учитель о Своих страданиях, смерти и воскресении. Ведь и с обыкновенными людьми часто бывает так, что одна какая-нибудь незначительная черта, всплывшая в памяти, сразу освещает положение и человек начинает понимать то, что́ раньше казалось ему странным и непонятным. Ап. Иоанн увидел пустой гроб и пелены, понял, что Тела Иисусова действительно нет во гробе, и мысль его сразу стала работать совсем в ином направлении, чем охваченная испугом мысль Марии Магдалины. Этот внутренний поворот мысли и настроения апостол потом и выразил в кратком «я уверовал». Он уверовал не в то, что Тело украдено. Если бы апостол уверовал в кражу Тела Христова, то что́ в этом было бы особенного, удивительного и значительного, о чем нужно бы сообщить в Евангелии? Очевидно, апостол Иоанн, сам сообщающий о своих переживаниях, не мог в своем Евангелии говорить о чем-то незначительном, не соответствующем ни общей цели его Евангелия, ни всему его душевному складу. А вот вера в факт воскресения прежде явления Воскресшего — это переживание столь замечательное, что не отметить его было нельзя. Величие подвига веры состоит именно в том, что вера преодолевает бездну, отделяющую иной, сверхчувственный мир от мира сего и усвояет потустороннее, как нечто реальное. Опустить момент зарождения этой веры писателю, который все свое писание направляет к тому, чтобы и в других возбудить такую же веру, психологически немыслимо. Правда, всегда скромный и умалчивающий о себе, ап. Иоанн и здесь одним только словом «уверовал» обозначает свое состояние, но это слово значительнее и дороже душе верующего, чем тысяча слов. И этому «уверованию» апостола нисколько не противоречит дальнейшее его замечание, что «они еще не знали из Писания, что Ему (Христу) надлежало воскреснуть из мертвых» (Ио. 20, 9). Потому и уверовал, что не знал. Если бы знал, то вере не было бы места а вот это незнание Писания и говорит, что истина Воскресения Христа была воспринята в е р о ю. И как хорошо согласуется это со словами Христа: «Блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ио. 20, 29). Знаменательно, что эти слова сохраняет также только Евангелист Иоанн, и в них естественно видеть ука-

зание на веру ап. Иоанна, уверовавшего в истину Воскресения еще прежде, чем он вместе с другими апостолами увидел Воскресшего Господа. Таким образом ученик, «егоже любляше Иисус», был первым, уверовавшим в истину Воскресения Христова, но не первым, узревшим Воскресшего.

Эта радость выпала на долю Марии Магдалины, о чем повествует тот же апостол и евангелист. Мария, сообщивши апостолам Петру и Иоанну о своем печальном открытии и своих тревогах, конечно, не осталась в городе, а вслед за апостолами снова поспешила ко гробу. Убежденная в том, что Тела Учителя нет во гробе, что оно кем-то унесено, она с плачем и рыданием стояла у гроба, пока апостолы Петр и Иоанн один после другого осматривали пещеру гроба, а когда они ушли, то и она, может быть, безотчетно подражая их примеру, наклонилась во гроб. Тела Учителя действительно не было, и гроб был пуст. Но во мраке гроба Мария увидела двух Ангелов, сидящих — одного у главы, а другого — у ног, где лежало Тело Иисуса, и услышала вопрошающий голос: «же́но! что́ ты плачешь?» Занятая мыслью о краже Тела Учителя, Мария говорит им: «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его». Узнать, куда девалось дорогое Тело, кто унес его и куда положил, было неотступной мыслью Марии. Поэтому она даже не обнаружила ни страха, ни смущения пред необыкновенным видением и прямо высказала свою затаенную мысль. И в это время как-то невольно обернулась назад, может быть, инстинктивно почувствовав присутствие позади себя кого-то другого. И действительно, Кто-то стоял сзади ее и, подобно ангелам, спрашивал: «же́но! что́ ты плачешь? кого ищешь?» Не вглядевшись в вопрошающего и полагая, что это садовник, оберегающий сад, в котором находился гроб Господа, Мария обратилась к нему с тем же вопросом. Это показывает, насколько в эти минуты чужда была Марии мысль о Воскресении Господа и как далека была она от предположения, что Вопрошающий ее есть Сам Тот, Кого она считала унесенным из гроба. Если Тело унесено врагами Господа, — думала Мария, — то, очевидно, это сделано не иначе, как при содействии садовника; при его же содействии оно, конечно, могло быть и перенесено в другое, более безопасное место. Поэтому она и просит мнимого садовника указать, куда перенесено Тело Христово, чтобы ей взять его оттуда и перенести в другое, более безопасное место, для того, — как замечает блаж. Феофилакт, — чтобы иудеи не надругались и над мертвым Телом Господа. Вместо ответа, она слышит одно слово «Мария!» Надо думать, что это имя было произнесено так, как оно не раз произносилось Господом, так что Мария тотчас же узнала голос своего Учителя и Господа. «Раввуни́!» — что́ значит: «Учитель!» — воскликнула Мария в ответ на это обращение. Можно себе представить, с каким чувством радости и восторга было произнесено это восклицание, когда Мария узнала воскресшего Своего Учителя и Господа. Узнав Его, Мария стремительно бросилась к Господу и хотела прикоснуться к Нему, но услышала запрещение: «Не прикасайся ко Мне». Одно из церковных песнопений так объясняет это запрещение: «Еще земная мудрствует жена, темже (потому) и отсылается не прикасатися Ему». Это значит, что Иисус Христос, читавший, что́ происходит в любящей душе Марии, устремившейся к Нему, чтобы осязанием удостовериться в том, что́ видит глаз, дает понять Марии, что для возобновления личного общения с Ним верующих еще не приспело время, как приспеет оно несколько позже, когда Господь Сам пригласит апостолов осязать Его руки и ноги; а теперь Мария должна лишь исполнить Его повеление — идти к ученикам Христовым и возвестить им о явлении Воскресшего и о том, что Он восходит к Отцу и Богу Своему. Это должно было напомнить апостолам о том прославлении Христа, о котором Он го-

ворил им в прощальной беседе, как о величайшем благе для них (Ио. 14, 2—3; 16, 16 и 22) и как о таком событии, которое должно исполнить радостию сердца их (Ио. 14, 28). Таким образом, слова Христа, несмотря на запрещение, содержащееся в них, заключали в себе для Марии величайшую радость: во-первых, она сама лично удостоверилась, что Учитель жив, а так как Он был погребен, то, следовательно, Он действительно воскрес из мертвых; во-вторых, что эта истина отселе делается достоянием всех «братьев» Христовых, т. е. апостолов и прочих верующих, и таким образом становится исходным моментом новой жизни. И «Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей».

Размышляя об этом первом явлении Воскресшего Христа, митрополит Московский Филарет рассуждает: «Когда Господь начал Свою проповедь по городам и весям в Иудее, тогда за Ним после апостолов следовали многие жены, служа Ему от имений своих, и в числе их св. Лука п е р в у ю именует Марию Магдалину (Лк. 8, 1—3). Посему должно полагать, что или она первая вступила в сие служение и подала пример другим; или преимуществовала пред прочими усердием и деятельностью в сем служении... Ее преимущественная, возвышенная и деятельная любовь ко Христу Спасителю доставила ей и то преимущество, что она первая из учеников и учениц Его сподобилась видеть Воскресшего Господа и первая сделалась проповедницею для них воскресения Его по Его повелению. В самом деле, какая сила действовала в том, что, когда страх от врагов Христовых самих апостолов, почти всех, заставил скрыться, тогда Мария Магдалина, препобедившая немощь своего пола, презирая опасность, предстояла распятому Господу до кончины Его, сопровождала перенесение тела Его от креста ко гробу, присутствовала при погребении Его, потом в первые часы после субботняго дня, «еще сущей тьме» поспешила на гроб; не обретши же Тела и возвестив о том ап. Петру и Иоанну, вновь устремилась ко гробу Господа и, не уразумев еще воскресения Его, со слезами искала бездыханного Тела Его? Какая сила могла все это произвести, если же не крепкая, яко смерть, любовь (Песнь песн. 8, 6)? Ее крепкий подвиг на смертном поприще Господнем и награжден праведно ускоренным живоносным лицезрением Господа воскресшаго».

Евангелист Иоанн, сообщающий о явлении воскресшего Господа Марии Магдалине и об исполнении ею повеления Господня, не говорит о том, как отнеслись к рассказу Марии ученики Господа. Но Ев. Марк определенно указывает, что ученики не поверили сему свидетельству (Мрк. 16, 11). Почему не поверили? Очевидно, потому, что слишком необычайно было самое событие, чтобы можно было сразу признать его за истину. Несомненно также, что апостолы с большой осторожностью подходили к этому и последующим свидетельствам такого рода потому, что опасались впасть в заблуждение, ошибку или ненамеренный обман, так как свидетельство женщины могло казаться им недостаточно убедительным. Так было и тогда, когда к свидетельству Марии Магдалины присоединилось свидетельство других жен-мироносиц, о чем определенно говорит Ев. Лука (24, 9—11). Между тем, это свидетельство также заслуживало полного доверия, так как в основе его лежало не только видение ангелов, возвестивших женам о воскресении Христа, но также и явление Воскресшего женам-мироносицам. Об этом втором явлении Воскресшего Христа повествует Евангелист Матфей. Из его повествования мы узнаем, что жены-мироносицы, узнав от ангела о Воскресении Господа и получив его повеление возвестить об этом апостолам, с великою радостью поспешили в город (Мф. 28, 8); это радостное настроение сменилось у них трепетом и ужасом, столь естественным, когда они несколько оправились от необыкновенного видения

и поняли необыкновенность самого события, так что в страхе шли молча, никому ничего не говоря (Мрк. 16, 8). «Иисус встретил их и сказал: Радуйтесь! И они, приступивши, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 28, 9—10).

Трудно, конечно, с полной достоверностью установить отношение этого явления к явлению Марии Магдалине в смысле времени, но едва ли можно сомневаться в том, что это два различные явления, хотя они и не различаются отчетливо Ев. Матфеем и Ев. Лукою. Однако, ясное указание Ев. Марка, что Иисус Христос «явился сперва Марии Магдалине» (Мрк. 16, 9), и обстоятельное повествование Ев. Иоанна об этом явлении Воскресшего одной Марии Магдалине не оставляют сомнения в том, что его нельзя смешивать с явлением Господа прочим женам-мироносицам... О том же говорит и сравнение самых явлений. Явление Марии Магдалине имело место у самого гроба; явление прочим мироносицам произошло, когда они шли от гроба в город возвестить ученикам Его. Мария, охваченная радостью, бросается к Явившемуся и слышит предостерегающее «Не прикасайся ко Мне»; прочие жены, охваченные страхом и трепетом, слышат ободряющее их «Радуйтесь». «И они, приступивши, ухватились за ноги Его и поклонились Ему» (Мф. 28, 9). То, что не разрешено было сделать Марии Магдалине, потому что еще не настало для этого время, разрешается теперь прочим женам; а это позволяет думать, что самое явление Воскресшего отделено было некоторым временем от Его первого явления. Иначе, наконец, звучит повеление Господа, данное Марии Магдалине, и повеление, полученное прочими мироносицами. Всего этого вполне достаточно, чтобы признать это второе явление совершенно самостоятельным, отличным от первого, хотя в общем и имевшим одну и ту же цель — достойным образом вознаградить усердие благоговейных спутниц Христовых и обрадовать как их самих, так и скорбящих учеников Христовых.

Евангелия не говорят нам подробно о третьем явлении Воскресшего Господа, имевшем место в это же утро, а именно — о явлении Господа ап. Петру. Только в Евангелии Луки находим мы краткое упоминание, что «Господь истинно воскрес и явился Симону» (Лк. 24, 34). Так как это засвидетельствовано было вечером, как событие хорошо известное одиннадцати апостолам и бывшим с ними, то ясно, что оно имело место раньше вечера. В данном случае важен самый факт явления Господа апостолу Петру, самолично видевшему пустоту гроба и оставившему опустевший гроб в полном недоумении. Обстоятельства явления Воскресшего Господа ап. Петру остались совершенно неизвестными, но самый факт не подлежит сомнению: он засвидетельствован не только Ев. Лукою, но и ап. Павлом, который в 1-м послании в Коринфянам, перечисляя явления Воскресшего, определенно говорит (15, 5), что Христос явился Кифе (т. е. ап. Петру).

Таким образом, утром первого дня имели место три явления Господа — Марии Магдалине, прочим женам-мироносицам и ап. Петру. Эти лица, удостоившиеся видеть Воскресшего, и ап. Иоанн, хотя не видевший, но уверовавший, уже знали о Воскресении Христа и веровали, что Христос действительно воскрес. Однако прочие, т. е. остальные апостолы и ближайшие к ним спутники Христовы, «плачущие и рыдающие», никак не могли поверить столь дивному и столь необыкновенному событию. Ни рассказы жен-мироносиц, ни повествования двух из апостолов не могли рассеять их неверия. «И показались им слова их пустыми, и не поверили им» (Лк. 24, 11).

*
* *

День необыкновенных событий клонился к вечеру... Малое стадо учеников Христовых было вместе в одном доме. По преданию, это был дом возлюбленного ученика Господня — Иоанна, сына Зеведеева, дом, в котором теперь жила Матерь Господа. Это позволяет нам предугадать, что здесь находились лица, бывшие в особенной близости к Божественному Учителю: апостолы, Матерь Божия, жены-мироносицы. Замечание евангелиста, что двери дома были заперты «страха ради иудейска», позволяет проникнуть в настроение собравшихся. Собравшиеся трепещут иудеев, которые убили их Господа, которые теперь смущены вестью о Воскресении Распятого и распустили против учеников Его злонамеренную молву, будто ученики ночью украли Тело Его. Естественно было трепетать и опасаться, что ненависть иудеев обрушится теперь на учеников Распятого.

К этому примешивалось чувство изумления от всего, что́ пришлось пережить в этот день. А пережить пришлось необыкновенные известия. Эти известия первые принесли жены-мироносицы, которые, посетив гроб рано утром, не нашли там тела Погребенного, а удостоились видения ангелов, возвестивших им, что Иисуса «несть зде, но воста» (Лк. 24, 6.) Одна из жен, прибежавшая к апостолам Петру и Иоанну с тревожным известием, что камень отвален от гроба и тело Учителя куда-то, очевидно, унесено, потом снова возвратилась ко гробу, удостоилась явления Воскресшего и, убедившись, что Господь действительно воскрес из мертвых, принесла скорбящим первую весть о Воскресении Христа. Эту весть подтвердили потом и другие жены-мироносицы, также удостоившиеся видеть Воскресшего и слышать Его.

Посетили гробницу Учителя и апостолы Петр и Иоанн, увидели опустевший гроб, одни пелены, лежащие там, где покоилось тело Распятого, причем плат, который был на главе Погребенного, не с пеленами лежал, но особо свитый на другом месте. Это рассеяло предположение о краже Тела, но недоумений не разъяснило, почему один из посетивших ушел от гроба в полном недоумении, «в себе дивяся бывшему»; а другой, увидев пустой гроб и в порядке лежащие пелены, вдруг уверовал в Воскресение Господа, и теперь, подобно женам-мироносицам и самой Матери Господа, которой (по преданию) небесный вестник принес весть о Воскресении Сына Ее, радостно уверял, что Учитель их действительно воскрес. Да и ап. Петр также рассказывал, что ему явился Воскресший...

Понятно, как волновали всех друзей Христовых эти известия. Понятно, как собравшиеся обсуждали их снова́ и снова, с изумлением, с недоверчивостью, с горячим желанием самим удостовериться в истине воскресения, с страстным желанием, чтобы и им явился Воскресший Учитель. Так хотелось верить, что Он действительно жив, что Он действительно воскрес, и в то же время так не верилось этому: очень уже все это необычайно, очень чудесно и удивительно.

А тут вдруг еще пришли двое и снова принесли известие о Воскресении Учителя. Это были Клеопа — как полагают, один из 70-ти апостолов — а другой, не названный по имени, был, по преданию, Евангелист Лука, рассказывающий о самом событии. Оба они в тот вечер ходили в Эммаус, селение, отстоявшее от Иерусалима в 10—12 верстах, т. е. в расстоянии 2—3 часов ходьбы от Иерусалима. Они рассказали собравшимся, как явился им Воскресший Учитель, как на пути в селение они шли, разговаривая о событиях последних дней, т. е. событиях страданий и смерти Спасителя, и погруженные в эти разговоры, они не заметили, как приблизился к ним Сам Иисус Христос. Но они не узнали Его, так как Он явился им «в ином образе» (Мрк. 16, 12). Когда Он,

идя с ними, спросил, о чем они рассуждают и почему так печальны, то Клеопа даже удивился такому вопросу и как бы с упреком сказал: Неужели Ты, один из пришедших в Иерусалим, не знаешь о происшедшем в эти дни? — О чем? — спросил их Спутник. Тогда они, все еще не узнавая Его, стали рассказывать Ему, что был Иисус Назарянин, Пророк сильный не только в слове, но и в делах, которые творил пред Богом и всем народом, и что первосвященники и начальники предали Его на позорную смерть, как злодея, и распяли Его. При этом рассказывавшие не скрыли от своего неведомого Спутника ни своей грусти, ни некоторого разочарования. — А мы надеялись-было, — продолжали они, — что Он действительно есть Тот, Который должен избавить Израиля. Но вот уже третий день, как все это произошло (Лк. 24, 15—21). «Мне кажется, — рассуждает по сему поводу блаж. Феофилакт, — что эти два мужа были в сильном колебании мыслей: ни слишком верили, ни слишком не верили. Ибо слова: мы надеялись, что Он избавит Израиля, обнаруживают неверие, а слова: «ныне уже третий день» показывают, что они уже близки к тому, чтобы вспомнить слова Господа — в третий день воскресну». Рассказы женщин, ходивших рано утром ко гробу и удостоившихся видения ангелов, которые возвестили им, что Он жив, как будто поддерживали эту готовность уверовать в Воскресение Христа; а посещение некоторыми из учеников гроба Распятого, которые ничего, кроме пустоты гроба, не обнаружили, препятствовало возникновению этой веры. Это-то все и ставит нас в недоумение и печалит, — как бы так говорили Эммаусские путники своему Незнакомцу. Продолжая свое повествование о случившемся, они, далее, рассказали, как их неведомый Спутник, упрекнув их в недогадливости и медлительности в вере, начал напоминать им все мессианские пророчества, находящиеся в Св. Писании, разъясняя им, что, по планам Божественного домостроительства спасения рода человеческого, все случившееся со Христом, особенно Его страдания и смерть, — необходимый путь к Его славе. Для исстрадавшихся, истерзанных сомнением и недоумением учеников беседа их таинственного Спутника была целительным бальзамом: они с живейшим интересом внимали Его словам и с напряженным вниманием ловили каждое Его слово; им хотелось еще и еще слушать Его. И потому, когда они подошли к селению, в которое направлялись, а их Спутник показал, что хочет расстаться с ними и идти дальше, они упросили Его остаться с ними, «потому что день уже склонился к вечеру», а им еще так хотелось слушать Его. Желание их было столь искренне и просьба их была так сердечна, что Господь склонился на их просьбу — и «Он вошел и остался с ними». И вот здесь-то, разделяя с ними вечернюю трапезу, таинственный Спутник открылся им. Когда Он возлежал с ними за столом, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им, совершая все это так, как не раз делал Господь. «Тогда открылись у них глаза и они узнали Его»; но Он стал невидим.

Невыразимая радость овладела этими двумя учениками. Только теперь они поняли, почему так трепетно бились их сердца, когда Незнакомец беседовал с ними, почему так сладостна была Его речь, почему им так хотелось продлить эту беседу еще и еще. Подобно живой воде изливалась речь Незнакомца на их жаждущие правды сердца, расширяя и углубляя их понимание Священного Писания, пока, наконец, они не поняли, что пред ними Сам Божественный Учитель. Они узнали Его во время вечерней трапезы. Они воочию увидели Его, Воскресшего из мертвых, и поняли, что так и надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою. Теперь уже ничто не могло поколебать их уверенности в Воскресение Христа. Полные этой радостной уверенности, они спешат обратно в Иерусалим, чтобы поделиться своей радостью с апостолами. «Не довольствуясь своим счастьем, они, — замечает митр. Филарет, —

поспешили разделить оное с другими учениками Христовыми», вера которых еще боролась с неверием, обуреваемая сомнением и недоумением. «И вставши в тот же час», вероятно, и не закончив трапезу, Клеопа и его спутник пошли обратно в Иерусалим. Они нашли собранных вместе апостолов и еще некоторых учеников, бывших с ними. «Какая же сила собрала их в одно место? Конечно, еще не умершая вера и особенно живая, сильная любовь к распятому Господу, которая в общении с любящими Его искала облегчения скорби», — говорит митрополит Филарет. Им-то, этому малому стаду Христову, и рассказали Эммаусские путники о всем случившемся с ними, получив в свою очередь сообщение, что Господь истинно воскрес и явился Симону.

Казалось бы, теперь должны исчезнуть всякие сомнения, рассеяться всякие недоумения в отношении этого события. Многие уже видели Воскресшего: жены-мироносицы, ап. Петр, Эммаусские путники, всего несколько часов тому назад не только видевшие Господа, но и беседовавшие с Ним довольно продолжительное время, — все это были очевидцы Воскресшего. Однако и «им не поверили», — замечает Ев. Марк, оттеняя это новое проявление скептицизма апостолов в отношении к свидетелям о Воскресении Христовом, для того чтобы показать, с какой осторожностью, с какой внимательностью подходили они к этой истине, и если, в конце концов, уверовали в истину Воскресения Христа, то только тогда, когда сами увидели Воскресшего Учителя. Вот и теперь только что принесенное Эммаусскими путниками известие о явлении им Воскресшего Господа еще более обострило желание собравшихся и еще не удостоившихся явления Воскресшего видеть Его самим и самим убедиться в достоверности рассказов и действительности необыкновенного события. Но разве это возможно? Двери дома крепко заперты, собравшиеся здесь сошлись тайно, «страха ради иудейска», приняты все меры, чтобы никто, кроме своих, не узнал об этом собрании. Не знает об этом и Сам Божественный Учитель. Да, повидимому, Его и нет в городе: ведь последнее известие указывает Его в Эммаусе...

«Когда они говорили о сем», — когда они снова и снова вспоминали случившееся в этот день, то склоняясь к вере, то опять терзаясь сомнениями, «Сам Иисус стал посреди их и сказал им: мир вам» (Лк. 24, 36). Для прославленного и одухотворенного Тела Господа ни стены, ни затворенные двери уже не были преградою. Естественно думать, что безумная радость должна бы охватить учеников, увидевших Воскресшего. Но они смутились, испугались, подумали, что видят духа. Появление Христа в запертом доме было столь чудесно, столь внезапно и неожиданно, что их смущение и испуг вполне понятны, и было бы удивительно, если бы было иначе. Мысль о том, что это не Сам Иисус, а только Дух Его, отрешенный от тела, призрак, что-то нереальное, была первой мыслью, мелькнувшей в умах их. Сердцеведец Господь, прозрев смущающие учеников Его мысли, успокаивает их. Он говорит, что это Он Сам, воскресший — живой стоит пред ними и не в призрачном, а в настоящем, только прославленном Теле. Для полного уверения Господь указывает им на руки, ноги и рёбра Свои, на которых видны раны от гвоздей и копия. Он предлагает посмотреть на Его изъязвленное Тело и таким образом убедиться, что пред ними стоит действительно их Господь, Который был пригвожден ко кресту и прободен копием. Таким образом Господь прежде всего выводит учеников из смущения тем, что убеждает их в тождестве Своей личности с Тем, Кто был их Учителем и Господом. Затем Он предлагает им осязать Себя, чтобы таким путем убедить учеников, что пред ними не дух, не призрак, а реальное существо, имеющее плоть и кости, хотя уже и с новыми, неведомыми им раньше свойствами. Ученики приблизились к явившемуся им Иисусу Христу, рассматривали Его язвы гвоздиные, осязали Его и таким обра-

зом опытно убеждались, что пред ними не дух, а Сам Господь Иисус Христос, воскресший из мертвых. Отклик этого опытного познания Воскресения Христова мы имеем несомненно в 1-м послании ап. Иоанна, где этот Евангелист вспоминает о том, что́ они «видели своими очами, что́ рассматривали, что́ осязали руки наши» (1 Ио. 1, 1).

Рассматривали, осязали, дивились, радовались, видя среди себя Господа, — и все-таки еще не вполне верили от радости. Какое вполне психологически верное замечание евангелиста! Его одного достаточно, чтобы убедиться в правдивости евангельского повествования. Неожиданная радость нередко заставляет человека усумниться в истинности события, послужившего источником радостного возбуждения. В данном случае радость апостолов была так велика, что им не верилось, что все это правда, что все это не сон, не видение, не мечта. Тогда Господь, чтобы окончательно рассеять все их сомнения и уверить в реальности Своего явления и дать им новое доказательство того, что пред ними стоит не дух, а действительно их Учитель Христос, спросил у них, есть ли у них здесь какая-нибудь пища. И когда они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда, то Он взял поданное и вкушал пред ними... Вкушение Господом пищи окончательно убедило собравшихся в действительности Воскресения Христова, а предложенная Христом беседа по изъяснению Писания раскрыла им истинный смысл всех происшедших в последние дни событий. Теперь они уразумели все написанное о Христе в законе Моисеевом, и в пророках и псалмах. Теперь рассеялись их сомнения, разрешились недоумения, неверие уступило свое место вере крепкой, живой, сознательной. Теперь они с полным убеждением заявляют отсутствовавшему Фоме: «Мы видели Господа». Теперь они смело и дерзновенно понесут эту веру в Воскресение Христово всему миру и на этой вере утвердят новое учение, принесенное Христом.

Велик и знаменателен этот день Воскресения. Начавшись скорбью, он закончился несказанной радостью; наполненный сомнениями и недоумениями, он разрешился познанием истины; утреннее неверие, сменившееся колебанием, вечером рассеялось и заменилось твердой сознательной верой во Христа, Сына Божия, воскресшего из мертвых. Апостолы постепенно дошли до этой веры путем мучительных сомнений, тяжелых колебаний, требованием осязательных доказательств. Но им и нужна была вера, не допускающая никаких сомнений, вера сознательная, вера не только сердцем, но и рассудком. Первый день Воскресения и дал им такую веру.

ПРОФ.-ПРОТ. С. САВИНСКИЙ

ВОИСТИНУ ВОСКРЕС

Предутреннее затишье. Скоро легкий свежий ветер рассеет благоухание ночных цветов. Близок рассвет.

«Се тьма и рано, и что у гроба, Марие, стоиши?» [1].

«Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» [2].

Вся в сиянии дня Мария Магдалина «возвестила плачущим и рыдающим» ученикам: Христос воскрес. Но они, услышавши, что Он жив и она видела Его, «не яша веры» (Мрк. 16, 10 и 11).

Как же получилось, что апостолы первоначально не поверили, а потом засвидетельствовали всему миру о действительности Воскресения Христа Спасителя?

При жизни своего Учителя апостолы, несомненно, признавали Его Сыном Божиим, но единственную цель пришествия Христа в мир полагали только в чувственном устроении славного царства Израилева. Когда же непредвиденная смерть Христова совершенно разрушила собою все их земные ожидания, они были повергнуты в крайнее смущение и не знали, что́ им следует думать теперь о Распятом Учителе. «Распяли Его, — говорили Эммаусские путники, — а мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лк. 24, 20—21). Разочарование это ясно показывает, что каких-либо других надежд в отношении Иисуса Христа они в то время не питали в себе, а потому и не могли создать какое-либо представление о совершенном искупительном подвиге Господа Иисуса Христа и Его Воскресении.

Потому-то и когда некоторые жены, ходившие помазать миром Тело Иисусово, пришли и рассказали «одиннадцати и всем прочим», что видели пустой гроб Христов и двух светоносных мужей на нем, объявивших им о Воскресении, то словам мироносиц не поверили (Лк. 24, 11). Правда, ап. Петр, взволнованный необычайным известием, тотчас побежал ко гробу и нашел его действительно пустым, увидел «только пелены лежащие». Но это обстоятельство, по слову Евангелия, лишь «удивило» апостола (Лк. 24, 12), мысли же о Воскресении Христа он при этом не имел.

Скептически отнеслись апостолы и «иже с ними» к известному рассказу Эммаусских путников — Луки и Клеопы, которые тогда же вечером прибыли из Эммауса и возвестили, что Христос действительно воскрес, что они видели Его, шли с Ним, разговаривали, сидели вместе с Ним за вечерним столом и как Он был узнан ими в преломлении хлеба (Лк. 24, 34—35). Апостолы, — говорит Евангелист, — выслушав их рассказ, «не яша веры» — (Мрк. 16, 13).

---

[1] Стихира 7-я воскресной утрени.

[2] Тропарь Св. Пасхи.

В ответ на это неверие учеников и друзей Своих, в тот же первый день Своего Воскресения, вечером, Христос одновременно явился бывшим вместе десяти Своим ученикам, и они, по слову Евангелиста, «обрадовались, увидевши Господа» (Ио. 20, 19—20); апостола Фомы не было с ними во время этого явления Господа. Когда апостолы сообщили апостолу Фоме, что они видели Воскресшего Господа, он отнесся к этому известию с недоверием и сказал: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ио. 20, 25).

Апостол Фома, конечно, нисколько не отвергал, что апостолы действительно видели Иисуса Христа, но только факт этого действительного видения ему казался недостаточным для того, чтобы доказывать собою действительность Воскресения Христова. Он, очевидно, полагал, что апостолы несомненно видели и слышали, как живой Христос стоял перед ними и даже разговаривал с ними, но не исключал возможности, что это могло им только привидеться. Когда Иисус Христос снова явился всем одиннадцати и бывшим с ними, то «они, смутившись и испугавшись, подумали, что́ видят духа» (Лк. 24, 37), т. е. подумали то самое, что́ казалось ап. Фоме относительно первых явлений Христа.

Видя смущение Своих учеников, Спаситель предложил им то самое доказательство, какого желал ап. Фома. «Что́ смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотри́те на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотри́те; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня» (Лк. 24, 38—39; ср. Мрк. 16, 14). И, обращаясь лично к ап. Фоме, добавил: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои и не будь неверующим, но верующим» (Ио. 20, 27).

Ап. Фома убедился в действительности Воскресения Христова. Но другие апостолы «от радости еще не верили и дивились». Тогда для убеждения их Спаситель принял от них часть печеной рыбы и сотового меда и, взяв, вкушал перед ними (Лк. 24, 41—43).

В течение сорока дней после Своего Воскресения до Вознесения на небо Господь неоднократно являлся апостолам и беседовал с ними.

Прошло только семь недель со дня Воскресения Спасителя,— и те самые ученики Его, которые оставили Иисуса Христа во время Его крестных страданий, а ап. Петр даже отрекся от Него, стали открыто проповедывать о воскресшем Спасителе. Сомневавшиеся и колебавшиеся в вере, они теперь властным словом пламенного убеждения заявили миру о Воскресении Христа и во множестве людей, никогда прежде даже и не слыхавших об имени Его, вызвали несокрушимую веру в истину своей проповеди.

«Мы не можем, — сказали апп. Петр и Иоанн, — не говорить того, что́ видели и слышали» (Деян. 4, 19—20).

И апостолы, получив благодать Святаго Духа в день Пятидесятницы, не только словом проповеди, но и делом всей своей жизни засвидетельствовали всему миру, что Христос воистину воскрес!

ДОЦ. А. ГЕОРГИЕВСКИЙ

ПОБЕДА ЖИЗНИ

«Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (I Кор. 15, 14).

Догмат Воскресения Христова в системе христианского вероучения занимает безусловно главнейшее место. Воскресение Христа — это основа христианской догматики. Основной истиной христианского вероучения является то, что «Иисус есть Сын Божий» (I Ио. 5,5). Но если Христос закончил Свою деятельность на Голгофе, т. е. если Он только страдал и был погребен, но не воскрес в третий день по Писанию, то можно ли говорить о Нем, как о воплотившемся Сыне Божием? Не был ли Он только обычным провозвестником высокой морали, деятельность Которого закончилась с Его последним вздохом на Голгофе? Так рассматривали Христа и Его дело представители отрицательной критики.

Совершенно в другом виде представляется Крест Христов для самих же призванных — христиан. Голгофская Жертва — акт величайшей Любви Божественной к человеку, акт, в котором, по образному библейскому выражению, встретились милость и истина и облобызались правда и мир. Но завершением искупительной Голгофской Жертвы, и логическим и историческим, является Воскресение Христово. «Если Христос не воскрес, — говорит апостол Павел, обращаясь к коринфским христианам, — то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших» (I Кор. 15, 17).

Господь Иисус Христос, подготовлял Своих учеников к Своим страданиям, говорил им, что Ему надлежит идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин, первосвященников и книжников, быть убиту и в третий день воскреснуть. Ученики содрогались, слушая эти слова своего Учителя, а апостол Петр, отозвав Христа, начал упрашивать Его: «Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою» (Мф. 16, 21—22).

Марфе, сестре Лазаря, Христос сказал пред воскрешением ее брата: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ио. 11, 25). Но какой бы смысл и утешение имели эти слова для последователей Христа Спасителя, если бы Он Сам не воскрес?

Только Воскресение Христа является оправданием Его божественного дела и дает обоснование христианской вере в будущее всеобщее воскресение и в жизнь будущего века. «Христос, — пишет Апостол, — воскрес из мертвых, первенец из умерших... Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут,.. первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его... Последний же враг истребится — смерть» (I Кор. 15, 20—26).

По христианскому учению, Бог сотворил человека для вечной жизни, смерть — явление случайное, временное, вошедшее в мир завистью диавола, через грех. Жизнь вечная, блаженная, без болезней, печали и воздыханий, в общении с Богом — вот подлинное назначение человека. Лучшие представители ветхозаветного мира выражали это естественное стремление человека к вечной жизни и содрогались пред смертью.

Псалмопевец Давид свидетельствует, что сердце его возрадовалось, язык его возвеселился и даже плоть его успокоилась в надежде, «ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Псал. 15, 9—10). Праведный Иов многострадальный говорил своим друзьям: «А я знаю, что Искупитель мой жив, и Он в последний день станет над прахом и восстановит кожу мою, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, а не глаза другого увидят Его» (Иов. 19, 25—27) [1].

Пророк Исаия, из глубины веков провидя день Христов, восклицал: «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела!... ибо роса Твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов...» (Ис. 26, 19).

Но и для праведников ветхозаветных двери рая были закрыты. Загробный мир представлялся мрачным «шеолом». Но Господь — Победитель смерти сокрушил «верей вечныя» и извел из ада тех, кто с верою ожидал пришествия Избавителя.

Эту мысль очень ярко выражает Святая Церковь следующими словами пасхального богослужения: «Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христос воскресе и ад пленися!..» — «Возбудил еси, уснув, мертвыя от века...» — «Днесь Владыка плени ада, воздвигнувый юзники, яже от века имяше люте содержимыя...»

Торжественно звучат в день св. Пасхи слова св. Иоанна Златоуста: «Никтоже да убоится смерти, свободи бо нас Спасова смерть!... Где твое, смерте, жало? где твоя, аде, победа?.. Воскресе Христос — и жизнь жительствует. Воскресе Христос — и ни един мертвый во гробе. Христос бо, востав от мертвых, начаток (востания) усопших бысть».

Христианин уверен в победе Воскресшего Христа над смертью даже и тогда, когда кругом он наблюдает многочисленные случаи смерти. Тогда как в храмах уже в течение многих веков раздается торжественный гимн победы жизни над смертью, люди продолжают умирать, как умирали они и до Христа. Как будто никакой перемены не произошло. Но так рассуждают лица, которых апостол называет «не имеющими надежды» (I Фесс. 4, 13). Для таких, действительно, остается руководствоваться лозунгом: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (I Кор. 15, 32). Совершенно иное переживает христианин: он и сам спокойно смотрит в открывающиеся пред ним врата вечности, и с глубокой верою в Воскресение провожает в могилу своих родных и близких лиц. Припомним сказанное по этому поводу апостолом: «Не хочу же оставить вас, братья, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним» (I Фесс. 4, 13—14). Если воскрес Христос, то воскреснут и верующие в Него. Апостол дает и картину того, как все это произойдет. Господь, «при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (I Фесс. 4, 16—17). По другому поводу тот же апостол дает приблизительно ту же картину будущего воскресения. «Не все мы умрем, — пишет он, — но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней

[1] Цитируется по еврейскому подлиннику, более ярко передающему мысль Иова.

трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (I Кор. 15, 51—52).

Но что дает христианину уверенность в том, что воскресение мертвых — логически и исторически неизбежное явление?

Гарантией и обоснованием будущего всеобщего воскресения является бесспорный факт Воскресения Христова.

Благодаря грехопадению наших прародителей (грех первородный), а также грехам их потомков произошло средостение между миром горним и земным. Смерть и Воскресение Христа Спасителя устранили это средостение. По сообщению евангелиста, когда Божественный Страдалец испустил дух, то раздралась в храме церковная завеса. Мир ангельский и человеческий объединились. Ангелы свидетельствуют о Воскресении Христовом. Ангел отваливает камень от дверей гроба и затем сидит на этом камне. Превосходно мысль об этом выражена в церковной песни: «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый; Христос бо воста, веселие вечное».

Апостолы уверились в Воскресении Христовом. Оно было для них несомненным фактом, таким же реальным, как и собственное их существование.

Изумительные их подвиги, страдания и смерть — наиболее яркое доказательство истины Воскресения Христова.

Только вера в Воскресение Христово уничтожает у христиан страх смерти, так как смерть для христианина — лишь переход к новой и лучшей жизни. Преподобный Серафим Саровский за несколько часов до своей праведной кончины (2 января 1833 г.), стоя на коленях, пел песни пасхального канона: «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечнаго начало, и играюще поем виновнаго, единаго благословеннаго, отцев Бога и препрославленнаго».

Существует благочестивое предание. Игумен Киево-Печерского монастыря после Светлой пасхальной заутрени спустился в пещеры, где почивают останки подвижников, и обратился к ним с обычным приветствием: «Христос воскресе!» И на это последовал явственный ответ: «Воистину воскресе!»

Достойным похвалы следует считать христианский обычай в день св. Пасхи приносить на могилы близких и родных красное яичко и приветствовать дорогих покойников радостным «Христос воскресе!»

Действительно, Воскресение Христово — праздник не только живых, но и умерших, не только праздник земли, но и неба, не только мира человеческого, но и мира духовного. Наш Искупитель — Бог не мертвых, но живых. Для христианина нет смерти, его освободила Спасова смерть. «Воскресе Христос — и жизнь жительствует».

«Ныне вся исполнишася света, небо же, и земля, и преисподняя; да празднует убо вся тварь востание Христово, в немже утверждается».

В. НИКОНОВ

РАДОСТЬ ВОСКРЕСЕНИЯ

Пасха Христова! Праздник жизни, обновления. Повсюду слышится радостный обмен приветствий — Христос воскресе! — Воистину воскресе!

«Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ... Ныне вся исполнишася света, небо же, и земля, и преисподняя; да празднует убо вся тварь востание Христово... Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый; Христос бо воста, веселие вечное».

Сколько радостного, сколько отрадного заключается в этих словах для православного христианина! Можно сказать — в них центр радостей христианских. Чу́дные восторженные пасхальные песнопения радостно волнуют, потрясают душу... Сколько радости несут песнопения эти в сердца тем, кто с верою воспринимает возвещаемое в них! И дитя, в первый раз заслышав их, чувствует трепет праздничной радости. И старик, много раз проводивший Пасху на веку своем, как будто снова становится дитятей и празднует Воскресение Христа с детской радостью, — и детство, милое, давно прошедшее детство, снова оживает в пасхальные дни, и снова оживают в эти дни надежды и мечты, которыми жила и радовалась душа в ту благословенную пору. В этих надеждах и ожиданиях — свет и надежда целой жизни, отголосок вечного праздника, отблеск невечернего дня в Царствии Христовом.

Широкою волною двигается вокруг храма народ. Все сливается в один радостно торжественный гул.

«Возведи о́крест очи твои, Сионе, и виждь; се бо приидоша к тебе, яко Богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя...»

Благословенный нами венец — Христос из гроба воссиял... и все наполнилось светом: небо, земля, преисподняя...

И мы обращаемся за светом к Воскресшему Свету, чтобы рассеять мрак ночи сомнений, призраков, несбыточных грез, открыто посмотреть на себя, на свою жизнь, покрытую мраком судьбу мира и человека.

Христос воскресе! — и наступил для человека поистине священнейший, спасительный, светлый день озарения. И чье сердце не содрогнется великим трепетом живой радости! Чья душа не затрепещет в духовном восторге! Чей ум не поймет величие Воскресения Христова!

Христос для нас — путь нашей жизни. Он — наше Дыхание, наш Свет, наша Пища и Питие. Он — наш верный Руководитель, ведущий нас к блаженству. Христос воскрес, и Его воскресение явилось знамением нашего воскресения.

«Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (I Кор. 15, 22).

В чу́дном свете победы Христа христианин видит, что добро сильнее зла. Потому так и радостен, так и дорог для верующего человека праздник Воскресения.

«Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обымем! Рцем: братие! И ненавидящим нас простим вся воскресением и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

ИЕРОДИАКОН АФАНАСИЙ (КУДЮК)

СВЯТИТЕЛЬ АЛЕКСИЙ

(КАК ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ)

В ряду тех незабываемых для русского сердца исторических деятелей, на долю которых выпала почетнейшая задача служения Церкви и Государству в высоком звании Первосвятителя Русской Православной Церкви, имя св. Алексия, Митрополита Московского, славится в истории нашего Отечества.

Блестящим светочем сияла личность святителя Алексия в продолжение почти полвека на фоне нашей отечественной жизни того времени, в эпоху татарского ига и кровавых междоусобиц, когда грозила опасность Православной Церкви и государственности русского народа.

Святитель Алексий, чудотворец, молитвенник и заступник пред Престолом Всевышнего за прибегающих к нему чад Земли русской, был и великим гражданином нашей Земли, много потрудившимся над «собиранием Руси» в единое государство.

Митрополит Алексий, в мире Елевферий, родился около 1300 года в семье боярина Федора Бяконта [1]. Федор Бяконт в конце XIII в. выехал на службу к Московскому князю Даниилу Александровичу из Чернигова, разоренного во время татарского нашествия. Боярин Бяконт пользовался особым расположением князя Даниила, и сын последнего Иван Данилович (будущий Калита) был восприемником младенца Елевферия.

Уже в раннем детстве Елевферий обнаружил стремление к строгой подвижнической жизни и способности к книжному учению. На двадцатом году Елевферий, к большому огорчению родителей, принял монашество в Московском Богоявленском монастыре, с именем Алексия. Здесь он подружился с иноком Стефаном, старшим братом преподобного Сергия Радонежского. Стефан, по желанию великого князя Симеона Гордого, стал игуменом Богоявленского монастыря; Алексия же, после двадцатилетнего пребывания его в монастыре, Митрополит Феогност сделал (1340 г.) своим наместником. В обязанность митрополичьего наместника входило ведать церковные суды и управлять церковным имуществом.

Митрополичьим наместником св. Алексий пробыл 12 лет, и, можно сказать, фактически управлял всей Русской Православной Церковью,

---

[1] Житие св. Алексия в более пространной редакции приведено в Степенной книге (I, 144) и в Никоновской Летописи (IV, 55); сокращенное — помещено в Полном собрании русских летописей, т. VIII, 26—28. Литературная обработка «Житий» св. Алексия, дополненных данными других источников, сделана Г. Карповым в его очерке «Св. Алексий митрополит» (Чт. в Общ. ист. и древн., 1864 г., кн. III). В качестве комментарий к «Житию» св. Алексия можно рекомендовать соответствующие страницы из диссертации В. О. Ключевского «Древне-русские жития святых», стр. 132 и след.

так как Митрополит Феогност, не обладая крепким здоровьем, часто болел.

6 декабря 1352 г., незадолго до смерти Митрополита Феогноста, св. Алексий был возведен на кафедру епископа Владимирского. Уступая одну из своих кафедр (кафедра Владимирская считалась митрополичьей) св. Алексию, Митрополит Феогност хотел после своей смерти обеспечить своему наместнику полное управление митрополией.

Спустя некоторое время после поставления св. Алексия во епископа, Митрополит Феогност и великий князь Симеон Иванович отправляют в Константинополь посольство с просьбой, чтобы в случае смерти Митрополита Феогноста поставлен был на митрополию Русской Православной Церкви Владимирский епископ Алексий. Московские послы вернулись уже после смерти Митрополита Феогноста и князя Симеона (1353 г.) с повелением епископу Алексию явиться в Константинополь «ставиться на митрополию».

Великий князь Иван Иванович поспешил снарядить св. Алексия в эту поездку, одновременно со своим выездом в Орду для получения ярлыка на великое княжение.

При патриаршем дворе св. Алексия продержали почти год на «тщательном испытании», и только 30 июня 1354 г. он был отпущен с настольной грамотой на митрополию Киевскую и всея Руси.

В грамоте отмечено, что св. Алексий поставляется «ради столь достоверных похвальных свидетельств о нем и по уважению к его добродетельной и богоугодной жизни...» [1].

Утвердившись на митрополии, св. Алексий, как пастырь заботливый о духовном совершенствовании своей паствы, обратился к ней с архипастырским посланием, или поучением, в котором, указав на свое право учить и долг пасомых повиноваться, дал им убедительные наставления об их христианских обязанностях [2]. После указания на коренные и общие правила христианской жизни св. Алексий делает некоторые частные наставления.

Анализируя это послание святителя, нельзя не заметить, что темой нравственных христианских наставлений были у него насущные вопросы того времени. Например, обращаясь к пастве, он говорит: «Дети, имейте между собой мир и любовь...» О, как, действительно, нужно было говорить в то время о мире и любви: Русь была порабощена татарами, переживала время кровавых междоусобиц,— все это ложилось тяжелым бременем на народ... Святитель чувствовал, что только в мире, единении и сплоченности русский народ сможет жить свободно и показать свое могущество. Поэтому он и призывал к миру...

Деятельность «Первопрестольника Церкви Русской» и «печальника Земли Русской» — святителя Алексия протекала в то время, когда нараставшее раздражение против крепнувшей Москвы неизбежно отражалось и на церковных отношениях, при митрополитах — союзниках и сотрудниках московских князей в деле «собирания Руси».

Политические судьбы Юго-Западной и Западной Руси вели к стремлению освободить их церковное управление от подчинения московскому иерархическому центру. Поэтому церковное единство было под сильнейшей угрозой. «Между тем, устранение церковных «нестроений» было необходимейшей предпосылкой устроения дел государственных.

---

[1] С. П. Павлов. «Памятники древне-русского канонического права», т. I, изд. «Русская историческая библиотека», т. VI, СПБ, 1880 г. Приложения № 9, столб. 44—48.

[2] Это поучение помещено в «Прибавлении к Творениям св. Отцов», ч. V, стр. 30—39.

Церковь была основным источником, духовно объединяющим все ветви русского народа» [1].

Незадолго до поставления св. Алексия в митрополиты, вопрос об отделении западно-русской Церкви от северной митрополии стал особенно острым. Еще при жизни Митрополита Феогноста явился в Константинополь западно-русский кандидат на митрополию — Феодорит и, не добившись тут успеха, использовал тогдашний раскол между византийской и болгарской Церквами, отправился в Тернов, здесь был поставлен в митрополиты болгарским патриархом и прибыл в Киев в то время, когда Митрополит Алексий находился в Константинополе, ожидая поставления в митрополиты. За покушением Феодорита на Киевскую митрополию нельзя не усмотреть политики великого князя Ольгерда литовского.

Св. Алексию пришлось вести борьбу с этим незаконно поставленным митрополитом. В конце концов, вследствие грамот, посланных Патриархом в Литву и Галицию, Феодорит был удален с митрополичьей кафедры, но на его место Ольгерд избрал нового кандидата — Романа.

Поднялась борьба двух митрополитов за Киев и южно-русские епархии, за тверскую Землю.

Борьба между митрополитами Алексием и Романом за единство митрополии развертывалась на фоне Ольгердовской политики, которая была направлена в 50-х — 70-х годах XIV века на энергичное наступление к востоку. В патриаршей грамоте от 8 октября 1364 г., в которой уже говорится о присоединении Литовской митрополии к Киевской, поясняется, что разделение митрополии было, в свое время, допущено по требованию многих «настоятельных нужд» [2]. Ольгерд, видя возвышение крепнувшей Москвы, настаивал, чтобы его Литовско-русское государство было избавлено от подчинения духовной власти Митрополита Алексия, в противном случае он угрожал переходом в католичество. Константинопольская Патриархия сначала пошла на компромисс и этим усилила раздор.

Роман прибыл в Киев, провозгласил себя митрополитом Киевским и всея Руси и удержался на своей митрополии до самой смерти в 1361 г.

Анализируя грамоту Патриарха Филофея (1364 г.) о присоединении Литовской митрополии после смерти Романа к Киевской, мы видим, что восточные патриархи выразили мысль о вреде разделения митрополии [3]. Разделение митрополии на части по политическим причинам приносило огромный вред не только церковному единству, но и государственному сплочению всего русского народа вокруг крепнувшей Москвы, для борьбы с внешними врагами. Св. Алексий видел, что только в единстве русский народ сможет показать свое могущество и силу, и поэтому он в своей деятельности употреблял доступные для него церковные и государственные средства для укрепления Церкви и государства.

В тяжелое время напряженной внешней и внутренней борьбы московская великокняжеская власть нашла в Митрополите Алексии энергичного и даровитого руководителя. Св. Алексий явился на митрополичьей кафедре прямым продолжателем деятельности святителей Петра и Феогноста, углубляя связь церковно-политической работы митрополии с великокняжеской политикой московских князей. Эта связь получила при нем особенно яркую окраску, благодаря особенности его

---

[1] Никита Волнянский, «Св. Митрополит Алексий — великий поборник возвышения Москвы», «Ж. М. П.», 1947 г., № 5, стр. 38.

[2] «Русская Историческая Библиотека», т. VI, Приложение № 15.

[3] Там же.

положения. «Св. Алексия,— по замечанию Е. Е. Голубинского,— обстоятельства времени поставили во главе государственного управления, так что он был митрополитом и в то же время первым государственным человеком, главою боярской думы своих князей» [1].

В предсмертном завещании Симеон Иванович (Гордый) заповедал своим братьям: «слушали бы есте отца нашего Владыки Алексия» [2]. Этому завету следовал преемник Симеона, его брат Иван Иванович, княживший шесть лет. «Это были годы, когда Москва была на волоске от полной утери ею руководящей роли в деле объединения русских земель... Великим счастьем для Руси и стольной Москвы было то, что Иван Иванович во всей своей деятельности опирался на мудрые советы митрополита Алексия» [3].

После него осталось два малолетних сына — Димитрий, будущий Донской, и Иван, и племянник — Владимир Андреевич. Суздальский князь Димитрий Константинович захотел использовать момент, поспешил в Орду и успел получить ярлык на великое княжение. Москве грозила опасность потерять свое политическое значение.

«В этих трудных для Москвы обстоятельствах пришел на выручку московский митрополит Алексий, крупнейший политический деятель этого времени» [4]. Святитель Алексий становится опекуном малолетнего Димитрия, «будущего великого русского полководца и державостроителя» [5], и главою совета ближайших бояр, управлявших делами московского княжества. Почти десятилетний период в новейших курсах гражданской истории СССР носит название: «Правительство Митрополита Алексия» [6]. К. В. Базилевич, давая оценку этому периоду, замечает, что «энергичная деятельность правительства митрополита Алексия в короткое время привела к блестящим результатам» [7]. При этом нельзя забывать, что св. Алексий оставался прежде всего архипастырем и в своей государственной деятельности пользовался только духовным оружием. В этом смысле его называют «выдающимся дипломатом», и отмечают, что он «широко пользовался своими прерогативами как митрополит в борьбе Москвы против сепаратистских стремлений других князей», а также «сумел, благодаря своему такту, приобрести значительное влияние в Золотой Орде» [8].

Известны два путешествия св. Алексия в Орду. В первый раз он был вызван в Орду для исцеления ханши Тайдулы, во второй раз,— по просьбе великого князя, для смягчения требований, предъявленных великому князю Московскому новым ханом — свирепым Бердибеком. При помощи ханши Тайдулы Митрополит Алексий смягчил хана Бердибека и даже получил от хана новый ярлык, подтверждающий права Русской Церкви и духовенства [9]. «Два эти путешествия св. Алексия в Орду,— говорит А. В. Горский,— поставили его высоко в мнении современников и прославили его в родах грядущих, как чудотворца и отечестволюбца» [10]. «Используя свой церковный авторитет, Алексий энергично

---

[1] Е. Е. Голубинский, История Русской Церкви, т. II, стр. 193.

[2] Собрание Госуд. грам. и договор., т. I, стр. 38 — см. у А. В. Горского, в прибавл. к «Твор. св. Отцов», т. IV, стр. 91, прим. (б).

[3] Указанная статья в «Ж. М. П.», 1947 г., № 5, стр. 37.

[4] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, «Золотая Орда и ее падение», изд. Академии Наук СССР, 1950 г., стр. 239.

[5] Никита Волнянский, «Созвездие великих ревнителей объединения Руси», «Ж. М. П.», 1945 г., № 4, стр. 13.

[6] «История СССР», т. I, под ред. Б. Д. Грекова, 1948 г., стр. 198.

[7] «История СССР», т. I, стр. 198.

[8] «История Дипломатии», т. I, под ред. В. П. Потемкина, Москва, 1941 г., стр. 133.

[9] Собрание Госуд. грам. и договоров, т. II, №№ 10 и 11.

[10] Указанное сочинение, стр. 111.

поддерживал московских князей в их объединительной политике и тем способствовал росту и укреплению Московского княжества».

Св. Алексий, как Митрополит всея Руси, простирал свою власть и за пределы великого княжества Московского. При таком положении Митрополита Алексия, и при его уменьи пользоваться средствами, значение великого святителя в истории московского государства было огромным. Применение им средств церковного воздействия в государственных делах не носило характера борьбы с светской властью, а, наоборот, содействовало централизации власти великого князя и объединению Руси в единое государство. В этом его неоценимая заслуга перед Отечеством.

До самой смерти своей (12 февраля 1378 г.) св. Алексий был постоянным руководителем кн. Димитрия в деле возвышения Москвы как над русскими князьями, так и над литовским, и в деятельной подготовке Руси к свержению татарского ига.

Св. Алексий принимает деятельное участие в умиротворении братьев — Димитрия (бывшего великого князя Суздальского) и Бориса, враждовавших из-за Нижегородской области. Чтобы уговорить Бориса к добровольной уступке Нижнего Новгорода Димитрию, св. Алексий и Димитрий Иванович посылают преп. Сергия Радонежского и дают ему полномочия, в случае упорства Бориса, затворить храмы. К этому средству и был вынужден прибегнуть преп. Сергий. К этому же времени относится написание св. Алексием послания ко всем жителям Нижегородской и Городецкой земель [1], где поводом написания выставляется, чтобы «имели христиане между собой мир, любовь и правду, не усты, ни языком, но сердцем чистым...» Когда в 1368 г. возникла война с литовским князем Ольгердом и смоленский князь Святослав стал на сторону Ольгерда, Митрополит Алексий подверг Святослава церковному отлучению.

Столь же деятельное участие в возвышении Москвы явил св. Алексий и в отношении к тверскому князю Михаилу Александровичу, который держал сторону сильного соперника Москвы Ольгерда литовского, женатого на сестре Михаила.

Борьба Москвы с Тверью была борьбой за великое княжение всея Руси, а также борьбой с притязаниями Литвы на русские земли. «Тверского князя справедливо обвиняли, что он не раз приводил на Русскую Землю литовцев и, кроме того, вступил в союз с врагами русского народа — татарами, т. е. — в политике, противной общим национальным интересам Русских земель» [2].

Однако воинственный Михаил Тверской, несмотря на поддержку его Ольгердом, не мог устоять против Московского князя и Митрополита и должен был заключить внушенный св. Алексием договор с Димитрием Ивановичем — помогать Московскому князю не только в отражении татар, но и в нападении на них [3].

В период регентства и руководства Московским государством св. Алексия Москва сделала крупнейший исторический шаг в сплочении русского народа для борьбы за свободу и независимость нашей Родины.

Будучи выдающимся государственным деятелем, св. Алексий всегда оставался ревностным архипастырем Русской Православной Церкви.

Самым лучшим памятником заботы Святителя о своей пастве может служить его письменное наследие — перевод Священного Писания

---

[1] Послание напечатано в журнале «Душеполезное чтение», 1861 г., стр. 458—467.

[2] «История СССР», т. I, стр. 199.

[3] Собр. Госуд. грам. и догов., I, № 28, — см. у А. В. Горского, указ. соч., стр. 118, прим. 62.

Нового Завета, поучения, послания, обращения к пастве,— а также его труды в созидании монастырей и по распространению монашества.

Св. Алексий стремился освободить Русь от книжно-литературного влияния Юго-Запада (Болгарии), и плодом этого стремления был сделанный им перевод Нового Завета. Этот труд имеет в себе «явные следы желания дать православной Руси свою самостоятельную славяно-всероссийскую или киево-московскую редакцию церковно-богослужебного текста Нового Завета. Митрополит, как мудрый и дальновидный пастырь Церкви, не мог не усмотреть опасности духовного подчинения Руси южному славянству, которое в своих переводах Свящ. Писания имело много малопонятных слов и оборотов, а также большие неисправности» [1]. Труд Святителя, — пишет Леонтий, Митрополит Московский,— «есть не только памятник, имеющий важное значение для древней русской письменности. Это — великая историческая святыня... Это — плод подвига и снискания разума великого всероссийского Святителя, который, в заботах об единомыслии в Русской Православной Церкви, приложил свое глубокое знание греческого языка к тому, чтобы дать верующим наиболее точный перевод Нового Завета на языке, общедоступном славянскому миру» [2].

М. Муретов в своем исследовательском труде раскрывает те бесценные достоинства труда св. Алексия, благодаря которым этот труд занимает в истории славянского перевода Нового Завета совершенно особое и несравненное место, как всегдашний образец для всех справщиков и переводчиков церковно-библейского текста.

Архипастырское служение требовало от Святителя, чтобы он обращался к пастве с посланиями. В них св. Алексий заботится о водворении церковного мира. Характерным для его заботы о церковном мире является еще послание (грамота) на Червленый Яр (нынешняя Воронежская область) о подсудности жителей его рязанскому епископу. Здесь Святитель окончательно решает давний спор между епископами Рязанским и Саранским и подтверждает права Рязанского епископа.

Св. Алексий не только требовал от других, чтобы они жили согласно с христианской нравственностью, но и сам был образцом христианской жизни и поэтому пользовался глубочайшим уважением.

Известна дружба Святителя с преп. Сергием. В год поставления св. Алексия в сан Митрополита, преп. Сергий был возведен в сан игумена. С этого времени тесная дружба соединила их союзом любви, который не прекращался до самой смерти Святителя. Они вместе делили радость и горе и вместе служили Церкви и родной Земле.

Святитель Алексий, желая после своей смерти оставить достойного преемника на первосвятительской кафедре, остановился на своем друге — преп. Сергии. Он вызывает к себе в Москву Радонежского подвижника из его любимого уединения и предлагает ему принять святительский сан. Но смиренный инок решительно отказывается.

Отказ преп. Сергия полон смирения, и он «остался игуменом в деревянном маленьком Троицком монастыре, в топи, в лесных дебрях» [3], где он был так нужен для нравственного возрождения русского народа.

ИЕРОДИАКОН СЕРГИЙ (ПЕТРОВ)

---

[1] М. Муретов, «Церковно-практическое и научно-богословское значение славянского перевода Нового Завета в труде св. Алексия, митрополита Киево-Московского и Всероссийского», «Богословский Вестник», 1897 г., ноябрь, стр. 189.

[2] Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд св. Алексия, митр. Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, митр. Московского, Москва, 1892 г., стр. 3.

[3] Е. Е. Голубинский, «История Русской Церкви», т. II, стр. 51.

У КРЕСТА ИЗ ВИНОГРАДНЫХ ЛОЗ

Чудесный вечер, ясный, солнечный. Широк разлет небесного купола. Земля глубоко внизу, за сиренево-голубыми массами воздуха,— далека. Исключительно чист легкий воздух. В нем тот особый холодок, который не похож ни на прохладу леса, ни на свежесть морского ветра,— который рождается только снегами, родниками, ледниками альпийскими. Да вот он и стоит перед глазами во всем могучем великолепии своем — Казбек. И легкая, готовая вот-вот растаять в небесной голубизне, как фата-моргана, идет от него цепь снежных вершин...

«Много мук приняла за свою историю наша страна, и вот вновь познала она расцвет, и уже не страшны ей больше ни Чингис-хан, ни шахи Измаил, Тамаз и Ага-Магомет-хан, ни Тимур, ни хваразмийцы, ни персы, ни турки, и день ото дня краше становится Грузия!» — с подъемом говорит мой спутник, протоиерей о. Платон, один из ближайших сотрудников первосвятителя Грузии Католикоса-Патриарха Каллистрата.

Мы только что побывали в храме святого Давида Гареджийского, расположенном на самой середине горного склона, высадились на площадке фуникулера, — и я дивился, с какой юношеской легкостью этот семидесятипятилетний человек взбегал по узким «козьим» горным тропам. Там, у прекрасного храма в старо-грузинском стиле, построенного за четыре столетия до того, как приняла христианство Русь, расположен некрополь, хранящий прах выдающихся представителей грузинской культуры — писателей, поэтов, философов: Николая Бараташвили, которого грузины называли равным Байрону, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела, Якова Гогебашвили, С. Джанашиа и других. Там, обнажив голову, долго стоял я перед гротом в стене храма, где в тихом полумраке прочтешь: «Родился 1795 году генваря в 4 день, убит в Тегеране 1829 г. генваря в 30 день», — и различишь крест, плачущую фигуру, два книжных томика и ветку лавра. Рядом с могилой А. С. Грибоедова расположена и могила его жены, Н. Чавчавадзе, дочери крупного грузинского поэта и внучки грузинского посланника при русском дворе. Ей, юной вдове, принадлежат высеченные на южной стороне памятника великому русскому поэту строки, полные скорби и достоинства: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?». Здесь, у печального грота, почувствуешь себя на перекрестке истории двух единоверных народов,— древней, героической истории Грузии и величавой истории отечественной, — сколь счастливо слились ныне доро́ги этих народов!..

Сидя на вершине горы св. Давида, вглядываешься в расположенный внизу Квашветский храм св. Георгия. Многие богомольцы спускаются в Квашветскую Георгиевскую церковь, чтобы приложиться к находящемуся здесь старинному образу преподобного Давида. Эта церковь —

Георгиевская — построена в 1904—1910 гг., на месте разобранной старой церкви, трудами нынешнего Католикоса-Патриарха.

«Мтацминда», святая гора... Сгущался голубой воздух гор. За нашими спинами чуть слышно шелестела под ветерком густая зелень. Далеко в горы протянулся великолепный парк с широчайшими террасами, нарядными павильонами, скульптурами, цветниками, разнообразными насаждениями пышной субтропической флоры. Парк носит имя И. В. Сталина. Когда-то здесь, на голой вершине горы, ветер взметал к небу желтую пыль.

«А вон дорога на Мцхет», — показывает рукой в сторону Казбека мой собеседник. Туда постепенно перемещается центр города, там выстроены целые кварталы новых многоэтажных домов, сады, парки, широкие бульвары.

Город огромен,— будто лава вылилась из многих горных ущелий и залила низину, местами до самого горизонта.

«Вот наш Сионский собор,— видите, как далеко стоит он от Нового города,— продолжает собеседник.— А несомненно, что там, у собора, был некогда центр. Сказание об основании города говорит, что когда-то в этих местах тянулись дремучие леса. Однажды сюда приехал на охоту из Мцхета, тогдашней нашей столицы, царь Вахтанг Горгаслан, прославленный грузинской историей как отважный полководец, строитель и просвещенный государственный ум. На охоте спущенный с руки Вахтанга сокол погнался за фазаном и, настигнув, ударил его с такой силой, что обе птицы упали на землю. Царь направил в ту сторону свою лошадь и обнаружил, что птицы упали в реку. Вода же этой реки была такой горячей, что и сокол и жертва сварились. А место, при исключительной живописности его, показалось царю столь удобным для человеческого жилья, что он приказал заложить здесь поселок. Поселок вскоре разросся в город, и Вахтанг Горгаслан перенес сюда из Мцхета столицу грузинского государства. «Тбили» на нашем языке значит теплый...»

Край легенд, высокой поэзии, героического эпоса... Край давней христианской культуры...

*
* *

Центральная часть старого Тбилиси — сложнейшее сплетение улиц и улочек, протянувшихся по некрутому горному склону, узких, но очень чистых и живописных. Перед многими из домов, опоясанных крытыми и открытыми галлереями, украшенных балконами, фонариками, башенками в редкой по тонкости и выразительности резьбе, остановишься с чувством истинного восхищения, но и с жалостью,— зачем эта бездна труда, художественного вкуса и высокого мастерства отдана дереву, а не прочнейшему из металлов! Но и эта музейная красота хранится подчас больше столетия.

Основная точка центра — это патриарший кафедральный Сионский собор. Первоначальное здание храма родилось одновременно с перенесением Вахтангом Горгасланом грузинской столицы из Мцхета в Тбилиси, во второй половине пятого века. История не сохранила сведений о том, сколько времени стояло это первоначальное здание, известно лишь, что в начале седьмого века на его месте возводится второе, а нынешний храм, третий по счету, воздвигается в X—XI веках.

Сионский собор — великолепный образец церковного грузинского зодчества, которое истоками своими уходит в Византию, но затем, вбирая в себя на протяжении веков мотивы народного, национального искусства, создает свой особый, неповторимый, оригинальный стиль.

Храм строг и очень гармоничен в сочетании архитектурных деталей, имеет в плане традиционную форму креста, трехнефный, с многогранным барабаном в узких высоких окнах, обрамленных тонким орнаментом, с коническим верхом, кирпичный, облицованный желтоватым, очень приятных теплых тонов, болнисским камнем, месторождение которого — Грузия. На церковном дворе под каменными плитами, под густыми насаждениями из вечно-зеленых растений покоятся останки настоятелей собора.

История собора, как история и всех церквей и монастырей Грузии, как и вся вообще ее церковная и национальная история, полна трагедии, подвига, стойкости и мужества. Без содрогания нельзя читать о многочисленных примерах этого мученичества и стойкости в вере. Когда в 1226 г. на Грузию напали хваразмийцы, их вождь Джелал-Эддин велел обезглавить Сионский собор, на месте его купола поставили подобие трона, и Джелал-Эддин, сидя так, смотрел, что делается на мосту через Куру. А там, на мосту, куда согнали всех жителей города и окрестностей, были установлены иконы Спасителя и Божией Матери, и каждому из пленных предложено было осквернить иконы и принять магометанство, чтобы этим купить себе жизнь. Вероотступников не нашлось. Обезглавлено и брошено было в реку до ста тысяч грузин-христиан. Джелал-Эддина сменил Чингис-хан, затем Тимур восемь раз опустошал Грузию, в первую очередь предавая поруганию церковные святыни. Персидский шах Измаил в 1552 г. с точностью повторил злодеяние Джелал-Эддина: сняв драгоценную ризу с иконы Сионской Божией Матери, он установил икону на мосту и приказал убивать и бросать в реку всякого, кто откажется осквернить божественный лик. Грабили и разоряли собор шах Тамаз и шах Аббас Великий, турки и шах Ага-Магомет-хан, приказавший все иконы, церковную утварь, облачения, богослужебные книги свалить в кучу на полу собора и сжечь...

Отшумели столетия, обессмертившие имена мучеников за веру, исчезли потоки слез и крови, и — озаренная тихим пламенем свечей,— покоится в Сионском соборе одна из главных святынь Грузинской Церкви — крест святой Нины, сопровождавший просветительницу всю ее жизнь в Иверии. По одним сведениям, этот крест из виноградных лоз сделан святою в Мцхете, точно по образу креста, который, по преданию, она получила из рук Богоматери в Иерусалиме. Мцхетский вариант жития святой Нины настаивает на том, что это и есть именно тот самый, первоначальный крест, полученный в Иерусалиме. Перевитый волосами святой, крест этот, о котором епископ Кирион пишет, что «ни одна святыня в мире не пространствовала столько, переходя из государства в государство, от народа к народу, из монашеской обители в обитель, из святого храма в храм Божий, из столицы в столицу, чрез моря и горы, реки и долины»,— хранится в драгоценном киоте, водруженном с левой стороны иконостаса, и доступен для обозрения и поклонения каждому верующему.

...Вот он! Отчетливо виден его основной ствол и боковые крылья. Когда-то, тысячу, а может быть, и больше лет назад, когда, под напором жестоких кровожадных иноверцев, уносил народ грузинский свою национальную и церковную святыню далеко в горы, к снегам Казбека, треснула поперечная лоза и погнулась концами вниз... Шестнадцать веков назад держали его вдохновенные руки каппадокийской девушки, познавшей и провозгласившей силу новой Правды. Шестнадцать веков! Как трудно человеческому воображению охватить этот океан времени, эту длинную цепь человеческих поколений,— а вот он, живой, перед глазами моими...

«...Крест святой Нины, как палладиум христианского существования народа и дар небес, сияет лучезарным блеском на тверди Иверской Церкви, неизреченным светом озаряя весь священный удел Богоматери...» — говорит дальше епископ Кирион.

...Патриаршим служением идет литургия в Сионском соборе. Где-то там, за стенами древнего храма, стоит жара и оглушает шум громадного столичного города. Здесь прохлада, высоко под куполом скрещиваются стрелы, лучи, стены, плоскости солнечного света и густоголубой, переходящий почти в синеву, кадильный дым рисует на них пышные округлые узоры. Голос первосвятителя силен и привычно отзываются ему древние стены. И — дивно звучание хора. Напевы своеобразны великолепной широтой и мягкостью своей, звучит в них скорбь и нежность.

...Сквозь молчаливую толпу молящихся продвинется одинокая фигура, протиснется к левой стороне иконостаса, к киоту с крестом святой Нины, не только просветительницы древнего края, но и утешительницы, заступницы за всякого обиженного, спутницы женщины-христианки на протяжении ее жизненного пути. Фигура эта тихо опустится на колени, склонит голову и, раскинув в стороны руки, надолго замрет в тихом призыве, в мольбе... Это крестообразное положение тела, эта древнейшая поза молящегося христианина — одно из самых сильных, самых выразительных и самых волнующих впечатлений, которые оставит в памяти приезжего церковный быт земли Иверской...

*

* *

И вновь вечер, тихий, ясный, ласковый, с влажным запахом полевых трав, с настоявшимся за долгий день теплом, которое пронизывает струйки ледяного горного воздуха. Вот он, вновь, Казбек,— в серебряной седине тысячелетий, могучий, видный отовсюду. До него далеко, много лежит по дороге к нему гор, ущелий, долин, рек, селений, лесов, но он виден отовсюду.

Изумительна здесь Военно-Грузинская дорога. Стрелою выле тает она из городского кольца и мчится к горам.

...Уже далеко за нами город. Тихо плывут назад мандариновые и лимонные рощи, виноградники, отары белых овец по склонам гор, река, скалистые вершины в развалинах древних замков.

Мягко покачивается на сильных рессорах отечественная «Победа». Впереди, рядом с шофером, с привычной хозяйской зоркостью всматриваясь в подробности пейзажа, в простой рясе на легком меху и меховой шапке сидит первосвятитель Грузинской Церкви, Католикос-Патриарх-Каллистрат. На заднем сиденье поместились мой спутник и руководитель по святым местам Грузии о. Платон, я и стройный мальчик с большими внимательными глазами, одетый в форму средней школы, отличник Реваз Каралашвили, правнук Патриарха.

Справа, высоко на горе, показывается прославленный «Джвари», древний крестовый монастырь. Еще несколько минут езды, и — вот оно, древнее сердце Грузии, начавшее биться две тысячи лет тому назад на слиянии горных рек Куры и Арагвы. Асфальтированная улица, парк,— и машина тихо въезжает в ворота длинной крепостной ограды.

Мало сказать, что основная святыня Грузинской Церкви, собор «Свети-Цховели» производит впечатление величественности — он потрясает своими размерами, высотой, тяжкой массой своих стен, сводов и купола.

Шестнадцать веков прошло с тех пор, как место это стало местом молитвы. Шестнадцать столетий назад здесь, в крупном торговом цен-

тре, раскинувшемся при слиянии горных рек Куры и Арагвы, в столице государства, известного везде в Европе, просвещенный царь Мариан, муж римлянки, торжественно встретил, как будто уже давно ждал ее, каппадокийскую девушку, принесшую ему и языческому его краю весть о новой Истине, потрясавшей весь мир, и символ этой истины — крест. Мариан принял новую Правду и вскоре крестился сам и крестил весь народ свой от византийских священников,— вот в этих самых холодных водах горных рек, которые текут перед глазами моими. И, приняв крещение, начал строить первый в стране христианский храм...

Суровость, мощь, величие... Таков был и первоначальный храм. Мы не знаем, почему через три столетия был он перестроен, какие в архитектуре его были изменения, почему древняя святыня эта лишь с малыми изменениями дошла до нас с далекого одиннадцатого века. Свирепый Тимур пытался взорвать стены храма, но камень устоял, а частичные разрушения были вскоре полностью восстановлены грузинским царем Александром Первым...

Суровость, мощь, величие... Каждый шаг по древним каменным плитам рождает стоголосое эхо, отзывается под высокими сводами. Там, на высотах, проложены сложные ходы в стене, хоры, открывающиеся в сторону алтаря двухоконными, с колонной посередине, лоджиями [1]. Запрестольный образ Спасителя огромен, уходит к куполу. Под ним — изображения апостолов. Эта прекрасная роспись до недавнего времени была скрыта от молящихся многоярусным иконостасом. По воле Святейшего Католикоса-Патриарха Каллистрата, иконостасу была возвращена традиционная грузинская одноярусная форма, и роспись ныне предстает перед глазами верующих во всем своем великолепии. Закрашены были подсиненным мелом и редкие по силе стенные фрески одиннадцатого века. Малая открытая часть их, объединенная общей темой «Всякое дыхание да хвалит Господа», надолго приковывает взволнованное внимание зрителей своей выразительностью и глубиной замысла. Когда будет освобождено от многовековых наслоений основное живописное богатство собора, это будет не только церковно-национальным праздником самой Грузии, но и крупным вкладом в историческую сокровищницу искусства советских народов и событием в искусстве мировом.

Дыхание веков, идущее из самой глубины их... Как не волноваться, молитвенно коснувшись самого сердца древней святыни, огромной колонны, от которой получил свое название «Свети-Цховели»,— «Живоносный столп» и сам собор! Колонна сменила тот самый ствол кипариса, который был основным в постройке первого храма в Мцхете, но сохранила его первоначальное наименование. Под корнями этого кипариса, согласно преданию, покоится Хитон Христа... Две высокие сени возведены над местами патриаршим и царским, но Патриарху принадлежало первое по чести место, и молившиеся сначала лобызали десницу Патриарха, а потом уже кланялись царю. Но немало и царей кончали свою жизнь постригом и уединением монашеской кельи. Впрочем, в давние времена, интересы национальные теснейшим образом сплетались с интересами религиозными и борьба за национальную независимость неизбежно была и борьбой за веру,— недаром турки, татары, персы, заливавшие кровью страну древней культуры, с особой силой злобную ярость свою обрушивали на церковные святыни народа, на монастыри и храмы, на иконы и кладбища, на духовные школы и библиотеки, а наиболее жестоким предсмертным пыткам подвергали именно представителей Церкви. Да и вся прекрасная поэзия грузинская восходит в истоках своих к поэзии молитвенной, церковной...

---

[1] Лоджия — открытая галлерея на колоннах вдоль стены здания.

Собор «Свети-Цховели», вместе с тем, и национальный некрополь, хранящий прах строителей Грузии. Под громадной плитой прозрачного мрамора, вделанной в пол собора, покоятся кости царя Вахтанга Горгаслана, основателя Тбилиси; бронзовые плиты прикрыли прах царей Ираклия и Георгия; прочие плиты указывают место последнего упокоения многих царевичей, царевен и владетельных князей.

Прохладный вечерний воздух кажется теплым, даже жарким, после холода тысячелетних стен. В последний раз обходим громаду древней базилики и вновь надолго задерживаемся перед окном алтаря — узким, высоким, обрамленным четырьмя поясами прекрасного орнамента, помещенным между двумя вертикальными многоколончатыми столбами с поперечным широким резным поясом наверху. Останавливаемся и

МЦХЕТСКИЙ СОБОР

перед средней аркой на восточной стене собора, с дивной нежной резьбой по основанию, с крайне смелой скульптурной композицией в вершине арки: лучи, расходящиеся веером и заканчивающиеся медальонами, стоящие в высоте, как гигантский пышный павлиний хвост. В медальонах — по-грузински нанесены имена строителей собора — католикоса Мелхиседека и зодчего Арсакидзе. Но два этих имени не могут уверить, что только им обязан храм изумительной своей красотой: любовь к родному дому, к вере отцов, высокое вдохновение в труде должны были иметь все, кто участвовал в постройке этого величественного сооружения, до последнего подносчика кирпича,— иначе нельзя было бы воплотить в жизнь эту дивную красоту! И недаром о барельефном изображении человеческой руки с наугольником на одной из стен базилики, в чем вероятнее предположить просто личный знак мастера-строителя, народ, ревнивый к творениям национального искусства, уже давно создал легенду, что рука эта, принадлежавшая гениальному подмастерью Константину, по завершении работ была отрублена мастером, чтобы нигде, ни в какой точке земли не мог возникнуть такой же шедевр строительного искусства...

Оглядываюсь в последний раз. Потрясает величиной тысячелетнее здание. Как сурово прост этот камень, какие скромность и благородство

в гармоническом сочетании его тонов,— красного, желтого, оранжевого, серого, зеленоватого!

В голубом бледном небе проснулась первая звездочка, трепетная и робкая. У крепостной стены стоит скромная двухъэтажная деревянная дача. Летняя резиденция Патриарха редко, впрочем, видит в своих стенах ее хозяина,— отдых он находит только в труде.

*
* *

Край легенд, сказаний, героического эпоса, в котором суровость сочетается с кротостью, сила с мягкостью, отвага с самоотречением...

Память народа грузинского с особой бережностью хранит имя святого Давида Гареджийского, прибывшего в числе других отцов-просветителей из Сирии в Грузию, чтобы продолжить и расширить дело св. Нины. Об этих подвижниках говорит предание, что они явились в Мцхет, перейдя реку «немокрыми ногами», и, к великому удивлению царя и народа, приветствовали их «миром и благословением на языке иверцев»... Отцы Давид и Лукиан поселились в месте голом, безводном и пустынном («Гареджи» и значит по-грузински — пустыня). Готовясь к миссионерскому подвигу, пустынники проводили время в молитве и строительных трудах. Предание повествует, что три оленьих самки с оленятами приходили и отдавали подвижникам молоко, а те делали из него сыр,— приходили ежедневно, кроме среды и пятницы. Однажды, живший у подножия горы дракон (по древнему описанию, «змей, имеющий глаза большие и светлые, подобно животному, на голове большой рог, а на шее — щетину волос») похитил одного из оленей. Давид спустился с горы и пошел на чудовище со словами: «Если не уйдешь отсюда, то этим посохом и крестом Христовым рассеку чрево твое и отдам на съедение червям!» Дракон, злобно извиваясь, пополз к реке Куре, но по дороге был сожжен молнией, сожжен стремительно, «как стог сена». На месте этом и до сих пор не растет трава.

В другой раз фазан, спасаясь от ястреба, полетел к горе, на которой подвизались пустынники. Проходивший вскоре после этого по лесу охотник-араб (язычник), по имени Бубакар, увидел Давида, распростершего руки на молитве, а у ног его — фазана, и рядом с фазаном — ястреба. Охотник прицелился в фазана. «Оставь мне живою эту птицу, она прилетела ко мне за спасением»,— остановил охотника пустынник. Араб с сожалением и удивлением усмехнулся и сказал: «Бедный монах, я хочу убить тебя самого, а ты просишь о птице». Пустынножитель спокойно ответил: «Нет, ты не имеешь власти убить меня». Пришедший в ярость язычник поднял меч, но в тот же миг рука его окостенела. Потрясенный, он пал на землю и стал молить о прощении. После молитв святого рука араба ожила. Вскоре Бубакар вместе со всей своей семьей принял крещение.

А вот уже не легенда, а историческая запись. Пасха 1617 г. пришла в Тифлис, захваченный жесточайшим врагом христианской Грузии персидским шахом Аббасом Первым. Шатер шаха был расположен неподалеку от гареджийской обители св. Давида. Ночью послышалось пение. Удивленный тем, что кто-то может петь в стране, где нет иных человеческих звуков, кроме плача, шах послал своих приближенных узнать, в чем дело. Вернувшиеся сообщили, что в монастыре идет торжественная служба, на которой присутствует шесть тысяч монахов. Шах отдал приказ отряду конницы истребить мечами всех молящихся. Он согласился удовлетворить только последнюю просьбу монахов — закончить пасхальную литургию. Затем приказ был приведен в исполнение. Иноки умирали, христосуясь друг с другом.

Неведомо кем составленное в древние времена «Житие святого Давида Гареджийского», из века в век переписываемое, сохранилось и до наших дней. Сколько выразительности и трогательной человечности в приписке последнего переписчика «Жития», архиепископа Алавердского Зенона: «Св. блаженный отче Давиде Гареджийский! Помяни мя, грешного, описателя сего, архиепископа Зенона... Житие св. Давида едва не подверглось совершенному истреблению от огня и мне стоило больших трудов разобрать оное и опять привести в полный состав...»

Подлинно, край легенд и сказаний... Официально, основание грузинской литературы относится к началу пятого века, от которого дошли до нас памятники письменности,— хотя возможно, что памятники эти за предыдущий период просто не сохранились. С пятого века по одиннадцатый литература Грузии — это исключительно религиозная литература. Темы духовного характера сопровождали грузинскую литературу и дальше, еще столетия,— одиннадцатый век знаменует лишь зарождение светской литературы. Но шесть начальных веков — это богатая сокровищница национальной грузинской культуры. Первой грузинской книгой был перевод для царицы Сагдухты Евангелия. «Мученичество святой Шушаники» — уже оригинальное произведение грузинской литературы, написанное в конце пятого века, говорит о существовании в то время на грузинском языке целого ряда книг. С шестого века письменность в Грузии распространяется стремительно и вместе с тем переводы весьма распространенных в те времена апокрифов («О сотворении первых людей», «О Соломоне и Китоврасе», «Хождение Богородицы по мукам» и др.) обогащаются художественными, вольными, своеобразными подробностями, — свидетельством народной поэзии. С другой стороны, эти (привнесенные извне) темы возбуждают народную фантазию и рождают целый поток былин, сказаний, сказов, легенд, песен, сказок. И уже совершенно самостоятелен период грузинской литературы, носящий наименование агиографии и посвященный житиям и мученичеству грузинских подвижников и святых. Это не просто записи о людях и событиях, — это литературные произведения поэтического мастерства, в которых историческая действительность сплетается с художественными догадками и предположениями автора и его выводами морально-эстетического порядка...

*
* *

Голубые елочки, узоры гигантских цветников, изумительная перспектива центральной аллеи, торжественные марши широкой лестницы, великолепные богатства парка на месте, еще недавно пустом, голом. Зрелище, открывающееся отсюда, с вершины горы св. Давида,— одно из самых волнующих в мире.

Вон, внизу, но высоко над городом, крест над церковью св. Давида, как бы повисший в голубом воздухе. Некогда там был монастырь. Карталинский царь Давид, постригшийся в монахи, жил в монастыре св. Давида. Не один Давид, познав тщету мирской славы, сменил корону царя и меч воина на монашескую мантию.

...Орел почти неподвижно кружит в голубоватом тумане ниже вершины, отчетливо сверху видны его мощные крылья в светлой кружевной оторочке. Но в сильный бинокль, среди темных нагромождений камня и зеленых садов и парков внизу отчетливо разбираешь детали города и отдельные строения. Вон, небольшая, чистенькая, нарядная внутри, церковь св. Троицы, — почти точная копия Сионского собора. Вон церковь св. Георгия, восстановленная от первого камня до вершины Католикосом-Патриархом Каллистратом. А дальше, за красивой пло-

щадью челюскинцев, за монументальным зданием цирка, за зеленым разливом парка, в тихом районе стоит храм Божией Матери в честь Дидубийской иконы ее, пользующейся особым вниманием и почитанием верующих. И с этой церковью связано имя Святейшего Католикоса-Патриарха Каллистрата, — и этих стен коснулась его созидательная рука, — отсюда начался когда-то его пастырский путь. Сегодня утром стоял и я под ее сводами. Первоначальная постройка храма относится к седьмому веку. Особенной любовью окружала его и украшала царица Тамара. В нем она и венчалась с осетинским владетельным князем Давидом Сослани Багратионом. В храме этом хранится высоко почитаемая святыня Грузинской Церкви — икона Божией Матери, именуемая Дидубийской. Живопись иконы не тронули восемь веков, истекших с времен ее создания. Вторая ценность храма — образ Божией Матери Скорбящей, с мечом, устремленным в сердце Пречистой. И особо чтутся еще две иконы этой церкви — святых Тамары и Георгия.

Нет церкви в Грузии, где, наряду с иконами св. Нины, св. Тамары, св. Давида, не было бы в том или ином виде изображения св. Георгия. Прославление его памяти восходит началом своим к первым временам христианства в Иверии. Просветительница края, по преданию, была родственницей великомученика и основала в память его много храмов в разных местах Грузии. С тех пор Грузинская Церковь избрала его своим покровителем, а царство Грузинское приняло его изображение в свой государственный герб. Почитание святого в странах христианской Европы началось значительно позже, а по-французски Грузия так и называется «Георгия».

Круто скошенный нарядный вагон фуникулера беспрерывно высаживает все новые и новые группы экскурсантов и горожан, поднявшихся, чтобы подышать горным воздухом и полюбоваться пейзажем. Вертикальная стрела подъемника видна отовсюду, а от тех мест за проспектом Руставели, за горным садом, за высоким мостом над прибрежным бульваром, — от мест, где раньше тянулись городские свалки, а сейчас над гранитным берегом Куры вырос прекрасный длинный парк-цветник, — оттуда с наступлением темноты павильон-дворец, венчающий гору св. Давида, очерченный тонким световым кружевом, открывается высоко в небе как сказочный замок.

Воздух сгущается к вечеру, по горизонту легла туманная полоса неопределенной высоты, и над нею сверкает вершиною огромный Казбек. Военно-Грузинская дорога мчится к его перевалам и в начале дороги отчетливо рисуется на вершине горы мцхетский Джвари, — совершенное создание старо-грузинской архитектуры, с его волшебной игрой света и теней. Небольшой и тоже расположенный на горной вершине, за десятки километров виден отовсюду храм 7-го века Самцеврисси. А там, впереди, у самого Казбека, в селении Казбек венчает вершину горы тоже небольшая церковь Самеба, — эту церковь после посещения Кавказа воспел Пушкин в своем «Монастырь на Казбеке». По всей Грузии, по всем горам ее и долинам стоят храмы большие и малые, скиты, монастыри и целые подземные города, как расположенный в горном ущелье Куры многоярусный монастырь-город, с храмами, соединенными сложной системой внутренних переходов, с большой центральной церковью, где имеются фрески, посвященные царице Тамаре и отцу ее Георгию; с кельями, залами, водоемами и купальнями. Стоит в горах один из самых ранних памятников грузинского зодчества, возведенный в пятом веке, — Болнисский Сион с его пышным богатством архитектурных украшений, и Сион Атенский, близ Гори, возникший на два века позже, точно повторяющий архитектурную композицию мцхетского Джвари, с замечательными барельефами и образцами фресковой живописи самого начала десятого века. Охраняют великое прошлое

Грузии монастырь Сафара с его двенадцатью храмами и богатой стенной росписью и монастырь Гелатский, возведенный в двенадцатом веке великим Давидом-Строителем в зеленой долине, среди виноградников и садов, и славящийся мозаикой; и монастырь-крепость Кватахеви, и монастырь Тимотес-Убани, тринадцатого века, с храмом, бирюзовые яркие изразцы которого на фоне темного кирпича восторгают зрителя, а монументальная фресковая живопись будит в нем высокую радость. Хранят эту память величественный, грандиозный и стройный Алавердский кафедральный храм Никорцминда, построенный почти тысячу лет назад, с двенадцатью высокими окнами мощного барабана в сплошной филигранной тонкой резьбе, и храм Кацх — церковь-ротонда одиннадцатого века, шестигранная в основании, трехъярусная.

По-южному быстро смеркается, плотнеет воздух, последние свои лучи посылает Казбек и меркнет, уходит в тьму ночи. Но еще перед тем, как окончательно сгуститься ночной тьме, глубоко внизу вспыхивает свет, накатывается волнами, бежит вперед, в дали, — и вот уже по самому горизонту мерцают огни, и уже и горизонта не определишь глазами, не различишь той черты, которая отделяет его от неба, тоже играющего крупными голубыми, белыми, зелеными звездами. Облокотившись на теплый от недавнего солнца камень барьера, смотришь вниз, в эту сверкающую, переливающуюся бездну, на огни земли, слившиеся с огнями неба, и в необыкновенной легкости прохладного горного воздуха вдруг потеряешь ощущение собственного веса и покажется, что, если раскинуть руки и оттолкнуться от вершины, — полетишь, будешь тихо парить в этом мерцающем звездном мире над просторами древней священной Иверской земли...

Р. ДНЕПРОВ

ОСВЯЩЕНИЕ СЕМИНАРСКОГО ХРАМА

До текущего учебного года здание Одесской духовной семинарии, наскоро отремонтированное при открытии семинарии в 1945 г., имело довольно неприглядный, запущенный вид. Внутреннее оборудование также пришло в ветхость, а семинарский храм отличался бедностью обстановки.

Летом 1950 г. семинарская администрация организовала основательный ремонт здания, и теперь оно, заново выкрашенное в фисташковый цвет, радует глаз голубыми куполами семинарского храма.

Ремонт коснулся и внутренних помещений: актового зала, учительской, столовой и спален; обновили также оборудование духовной школы.

Было решено капитально отремонтировать и семинарский храм с центральным престолом в честь св. вмч. Пантелеимона. Несмотря на большой объем работ, их удалось закончить до наступления зимы, и храм семинарии предстал во всем своем прежнем благолепии.

На воскресенье 31 декабря было назначено освящение. В этом торжестве принял участие Преосвященный Никон, епископ Херсонский и Одесский.

Встретив епископа, духовенство Семинарии, во главе с и. о. ректора прот. Кремлевым, облачилось в праздничные ризы, поверх которых были надеты так называемые запоны [1], и начался чин освящения престола. Во время пения особых стихир раздался стук молотков — это крышка престола прибивалась к четырем столбам специальными деревянными гвоздями, которые запечатывались затем составом из воска и ладана.

По освящении престола, он был облачен новыми белыми одеждами и приготовлен для совершения литургии. Служение совершалось истово и торжественно. Прекрасно пел семинарский хор. Обширный храм наполняли молящиеся.

После Евангелия Преосвященный Никон сказал слово на евангельскую тему, а после литургии он же говорил о значении храма для верующих.

Торжество освящения и первой литургии окончилось братской трапезой.

Теперь воспитанникам семинарии предоставлены все условия, чтобы преуспевать «в премудрости и в возрасте, и в любви у Бога и человеков» (Лк. 2, 52).

ИГУМЕН ПАВЕЛ

---

[1] Особый вид фартуков, употребляемых при освящении храма.

ХРАМ ОДЕССКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
ВО ИМЯ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ПАНТЕЛЕИМОНА

ИЗ ПОЛТАВСКОЙ ЕПАРХИИ

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

В Новых Сенжарах, Полтавской области, 22 октября 1950 г. состоялось торжественное освящение молитвенного дома во имя Святой Троицы.

Накануне освящения всенощное бдение совершил настоятель храма. В день освящения прибыл Преосвященный Палладий, епископ Полтавский и Кременчугский.

В 9 ч. 30 м. утра Преосвященный Палладий, сопровождаемый верующим народом, проследовал в храм и в притворе был встречен церковным старостой с хлебом-солью, а в храме — настоятелем и др. духовенством. Настоятель приветствовал Владыку речью, в которой просил его освятить храм, разделить радость общины и помолиться о создателях храма и жертвователях.

После облачения Владыка приступил к умилительному чину освящения престола и храма.

Божественную литургию Преосвященный Палладий совершал в сослужении благочинного протоиерея С. Бельченко, настоятеля храма и двух священников, при участии протодиакона. После литургии Владыка сказал назидательное слово, поздравивши от всего сердца всех строителей, жертвователей и инициаторов строительства.

Особенно потрудившимся — церковному старосте А. Ф. Чубко и Ф. Ф. Мирошниченко, С. И. Романец и И. М. Кривонос — были выданы похвальные грамоты.

По окончании литургии был совершен благодарственный молебен.

Закончилось все, а уходить из храма никому не хотелось. Верующие с любовью окружили Владыку и под звон колоколов проводили его.

ПРОТ. Т. КЛЮШНИКОВ

ПРАВИЛА ПРИЕМА
В ЛЕНИНГРАДСКУЮ ДУХОВНУЮ СЕМИНАРИЮ

НА 1951—1952 УЧЕБНЫЙ ГОД

I. В 1-й класс Духовной Семинарии принимаются лица, достигшие 18-летнего возраста и окончившие среднюю школу не ниже 7 классов.

II. Поступающие в 1-й класс Духовной Семинарии подвергаются испытаниям в твердом и осмысленном знании наизусть следующих молитв:

Начальные: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»; «Царю Небесный»; «Святый Боже»; «Пресвятая Троице»; «Отче наш»; «Приидите, поклонимся».

Утренние: «От сна востав»; «К Тебе, Владыко Человеколюбче»; «Боже, очисти мя, грешнаго».

Вечерние: «Господи Боже наш»; «Боже вечный»; «Вседержителю, Слово Отчее»; «Господи, Царю Небесный, Утешителю».

Божией Матери: «Богородице Дево, радуйся»; «Достойно есть»; «Взбранной Воеводе».

Утренняя и вечерняя молитва Ангелу Хранителю, молитва св. Ефрема Сирина, молитва пред Св. Причащением. Символ веры, Заповеди Моисея, Заповеди блаженства, тропари двунадесятых праздников, тропарь своему Святому и псалмы 50-й и 90-й.

Кроме того, требуется хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски.

III. Желающие поступить непосредственно в 3-й класс Духовной Семинарии должны иметь общеобразовательную подготовку в объеме средней школы и выдержать испытания за первые два класса Духовной Семинарии по следующим предметам: 1) Библ. История Ветхого и Нового Завета и Свящ. Писание Ветхого и Нового Завета; 2) Катехизис; 3) Церковный Устав; 4) Краткая История древней Христианской Церкви; 5) Краткая История Русской Церкви; 6) Церковно-славянский язык; 7) Русский язык; 8) Конституция СССР; 9) Церковное пение.

IV. Все поступающие в Духовную Семинарию должны своевременно представить в ее канцелярию следующие документы:

1) Прошение на имя ректора Семинарии; 2) заполненную анкету (образец см. ниже) и две фотокарточки; 3) метрическую выпись о рождении или другой документ о возрасте; 4) документ об образовании, 5) справку от врача о состоянии здоровья; 6) справку о семейном положении (холост, женат первым или вторым браком, разведен, число детей и вообще членов семьи, с указанием их родственных отношений: отец, мать, братья, сестры и т. п.); 7) автобиографию; 8) рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея; 9) документ об отношении к военной службе.

V. Документы принимаются до 1 августа с. г. по адресу. Ленинград, 167, Обводный канал, 17, Духовная Семинария.

VI. Приемные испытания будут производиться с 14 по 21 августа. Начало занятий 1 сентября.

VII. Иногородним предоставляется общежитие.

VIII Учащимся выдается стипендия.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Год рождения.
3. Социальное положение.
4. Образование.
5. Семейное положение: холост, женат первым браком или вторым, не был ли разведен (подчеркнуть).
6. Есть ли дети и их возраст.
7. Отношение к военной службе.
8. Судимость.
9. Место работы.
10. Должность.
11. Домашний адрес.
12. Подпись и дата заполнения анкеты.

СОВЕТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Пасхальное приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия 3

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Пасхальное приветствие Святейшего Патриарха Алексия Главам и Предстоятелям автокефальных Православных Церквей 6

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Служения Святейшего Патриарха Алексия (Апрель) 7

В ЗАЩИТУ МИРА

Архиепископ Лука. Размышление о правде и лжи (К первой сессии Всемирного Совета Мира) 8
Архиепископ Фотий. О Всемирном Совете Мира 12
Доц.-свящ. Н. Никольский. Св. Апостол Павел, как благовестник любви и мира 15
А. Веберников. Заслуженная награда 20

РЕЧИ И ПРОПОВЕДИ

Митрополит Николай. Сила любви 24

СТАТЬИ

Проф.-прот. С. Савинский. Утро и вечер Великого дня Воскресения Христова 29
Доц. А. Георгиевский. Воистину Воскрес 40
В. Никонов. Победа жизни 42
Иеродиакон Афанасий (Кудюк). Радость Воскресения 45
Иеродиакон Сергий (Петров). Святитель Алексий (Как церковно-государственный деятель) 47
Р. Днепров. У креста из виноградных лоз 53

ИЗ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Игумен Павел. Освящение семинарского храма 63

ИЗ ЖИЗНИ ЕПАРХИЙ

Прот. Т. Клюшников. Незабываемые дни 65

Правила приема в Московскую Духовную Академию на 1951—52-й учебный год 66
Правила приема в Ленинградскую Духовную Академию на 1951—52-й уч. год 67
Правила приема в Московскую Духовную Семинарию на 1951—52-й уч. год 60
Правила приема в Ленинградскую Духовную Семинарию на 1951—52-й уч. год 78

ПРАВИЛА ПРИЕМА
В МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ СЕМИНАРИЮ

НА 1951—52 УЧЕБНЫЙ ГОД

I. В 1-й класс Духовной Семинарии принимаются лица, достигшие 18-летнего возраста и окончившие среднюю школу не ниже 7 классов.

Лица старше 40-летнего возраста в 1-й класс Семинарии не принимаются.

II. Поступающие в 1-й класс Духовной Семинарии подвергаются испытаниям в твердом и осмысленном знании наизусть следующих молитв:

А. Начальные: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе».
«Царю Небесный».
«Святый Боже».
«Пресвятая Троице».
«Отче наш».
«Приидите, поклони́мся».

Б. Утренние: «От сна востав».
«К Тебе, Владыко Человеколюбче».
«Боже, очисти мя, грешнаго».
Ангелу Хранителю.

В. Вечерние: «Господи Боже наш».
«Боже вечный».
«Вседержителю, Слово Отчее».
«Господи, Царю Небесный, Утешителю».
Ангелу Хранителю.

Г. Божией Матери: «Богородице Дево, радуйся».
«Достойно есть».
«Взбранной Воеводе».

Молитва Св. Ефрема Сирина, молитва перед Св. Причащением, Символ веры. Заповеди Моисея. Заповеди блаженства, тропари двунадесятых праздников, тропарь своему Святому и псалмы 50-й и 90-й.

Кроме того, требуется хорошо читать по-славянски и грамотно писать по-русски.

III. Желающие поступить непосредственно во 2-й, 3-й и 4-й классы Духовной Семинарии должны иметь общеобразовательную подготовку в объеме средней школы и выдержать испытание за предшествующие классы Духовной Семинарии по всем предметам.

IV. Все поступающие в Духовную Семинарию должны представить в ее канцелярию своевременно следующие документы:

1) Прошение на имя ректора Семинарии.

2) Заполненную анкету (образец см. ниже) и две фотокарточки.

3) Метрическую выпись о рождении или другой документ о возрасте.

4) Документ об образовании.

5) Справку о семейном положении: холост, женат первым или вторым браком, разведен, число детей и вообще членов семьи, с указанием их родственных отношений: отец, мать, братья, сестры и т. д.

6) Справку от врача о состоянии здоровья.

7) Автобиографию.

8) Рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея.

9) Документ об отношении к военной службе.

V. Документы принимаются до 15 августа с. г. по адресу: г. Загорск, Москов-

ской обл., Троице-Сергиева Лавра, канцелярия Московской Духовной Академии и Семинарии.

VI. О сроке приемных испытаний и начале занятий будет объявлено особо.

VII. Всем учащимся представляются стипендия и общежитие.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ

1) Фамилия, имя и отчество.

2) Год рождения.

3) Социальное положение.

4) Образование.

5) Семейное положение: холост, женат первым или вторым браком, не был ли разведен.

6) Есть ли дети и их возраст.

7) Отношение к военной службе.

8) Судимость.

9) Место работы.

10) Должность.

11) Домашний адрес.

12) Подпись и дата заполнения анкеты.

СОВЕТ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

ПРАВИЛА ПРИЕМА

В МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМИЮ

НА 1951—52 УЧЕБНЫЙ ГОД

I. В Духовную Академию принимаются лица в возрасте не моложе 18 лет и не старше 50-ти.

II. Курс обучения в Духовной Академии рассчитан на 4 года.

III. Для поступления на 1-й курс Академии необходимо иметь полное среднее образование и сдать испытания за курс Духовной Семинарии по следующим предметам:

1) Священное Писание Ветхого Завета; 2) Священное Писание Нового Завета; 3) Догматическое богословие; 4) Нравственное богословие; 5) Основное богословие; 6) Сравнительное богословие; 7) Литургика; 8) История Христианской Церкви; 9) История Русской Церкви; 10) Гомилетика; 11) История и разбор раскола и сектантства; 12) Практическое руководство для пастырей; 13) Конституция СССР; 14) Греческий и латинский язык; 15) один из новых языков.

IV. Окончившие Духовную Семинарию по первому разряду (студенты Семинарии) для поступления в Академию держат устный экзамен по следующим предметам: 1) Священное Писание Нового Завета в объеме семинарского курса; 2) Догматическое богословие в объеме семинарского курса; 3) Общая Церковная История до 1054 г.

Письменные экзамены: Основное богословие. Проповедь.

Примечание: Окончившие Духовную Семинарию по 2-му разряду для поступления в Академию должны предварительно получить в своей Семинарии звание студента, т. е. выдержать экзамен на 1-й разряд по тем предметам, по коим имеют в аттестате недостаточную для звания студента отметку.

V. Все желающие поступить в Духовную Академию должны представить в ее канцелярию следующие документы:

1) Прошение на имя ректора.

2) Заполненную анкету (образец см. ниже) и 2 фотокарточки.

3) Метрическую выпись о рождении или другой документ о возрасте.

4) Документ об образовании.

5) Справку от врача о состоянии здоровья.

6) Справку о семейном положении (см. анкету, п. 5).

7) Автобиографию.

8) Рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея, а окончившие Семинарию — и рекомендацию Совета Семинарии.

9) Документ об отношении к военной службе.

VI. Документы принимаются до 15 августа с. г. по адресу: г. Загорск, Московской области, Троице-Сергиева Лавра, канцелярия Духовной Академии.

VII. О сроке приемных испытаний и начале занятий будет объявлено особо.

VIII. Всем учащимся предоставляются стипендия и общежитие.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ

1. Фамилия, имя и отчество.
2. Год рождения.
3. Социальное положение.
4. Образование.
5. Семейное положение: холост, женат первым браком или вторым, не был ли разведен (подчеркнуть).
6. Есть ли дети, их возраст.
7. Отношение к военной службе.
8. Судимость.
9. Место работы.
10. Должность.
11. Домашний адрес.
12. Дата заполнения анкеты и подпись.

СОВЕТ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ПРАВИЛА ПРИЕМА

В ЛЕНИНГРАДСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМИЮ

НА 1951—52 УЧЕБНЫЙ ГОД

I. В Духовную Академию принимаются лица в возрасте не моложе 18 лет.

II. Курс обучения в Духовной Академии рассчитан на 4 года.

III. Для поступления на 1-й курс Академии необходимо иметь полное среднее образование и сдать испытания за курс Духовной Семинарии по следующим предметам:

1) Священное Писание Ветхого Завета; 2) Священное Писание Нового Завета; 3) Догматическое богословие; 4) Нравственное богословие; 5) Основное богословие; 6) Сравнительное богословие; 7) Литургика; 8) История Христианской Церкви; 9) История Русской Церкви; 10) Гомилетика; 11) История и разбор раскола и сектантства; 12) Практическое руководство для пастырей; 13) Конституция СССР; 14) Греческий и латинский язык; 15) один из новых языков.

IV. Окончившие Духовную Семинарию по первому разряду (студенты Семинарии) для поступления в Академию держат устный экзамен по следующим предметам: 1) Свящ. Писание Нового Завета в объеме семинарского курса; 2) Догматическое богословие в объеме семинарского курса; 3) Общая Церковная История до 1054 года.

Письменные экзамены: Основное богословие. Проповедь.

Примечание: Окончившие Духовную Семинарию по 2-му разряду для поступления в Академию должны предварительно получить в своей Семинарии звание студента, т. е. выдержать экзамен на 1-й разряд по тем предметам, по которым имеют в аттестате недостаточную для звания студента отметку, и только после этого могут держать экзамен в Академию на правах студента семинарии.

V. Все желающие поступить в Духовную Академию должны представить в ее канцелярию следующие документы: 1) прошение на имя ректора; 2) заполненную анкету (образец см. ниже) и две фотокарточки; 3) метрическую выпись о рождении или другой документ о возрасте; 4) документ об образовании; 5) справку от врача о состоянии здоровья; 6) справку о семейном положении (см. анкету, п. 5); 7) автобиографию; 8) рекомендацию приходского священника или епархиального архиерея, а окончившие Семинарию — и рекомендацию Совета Семинарии; 9) документ об отношении к военной службе.

VI. Документы принимаются до 1 августа с. г. по адресу: Ленинград, 167, Обводный канал, 17, Духовная Академия.

VII. Приемные испытания в Духовную Академию будут производиться с 14 по 21 августа. Начало занятий 1 сентября.

VIII. Иногородним предоставляется общежитие.

IX. Студенты получают стипендию.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Год рождения.
3. Социальное положение.
4. Образование.
5. Семейное положение: холост, женат первым браком или вторым, не был ли разведен (подчеркнуть).
6. Есть ли дети и их возраст.
7. Отношение к военной службе.
8. Судимость.
9. Место работы.
10. Должность
11. Домашний адрес.
12. Дата заполнения анкеты и подпись.

СОВЕТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к и. о. ответствен ого секретаря Редакции «Журнала Московской Патриархии» А. И. Георгиевскому — Москва, 48, Б. Пироговская, 2 (быв. Новодевичий монастырь). Редакция «Журнала Московской Патриархии».

Цена 10 руб.